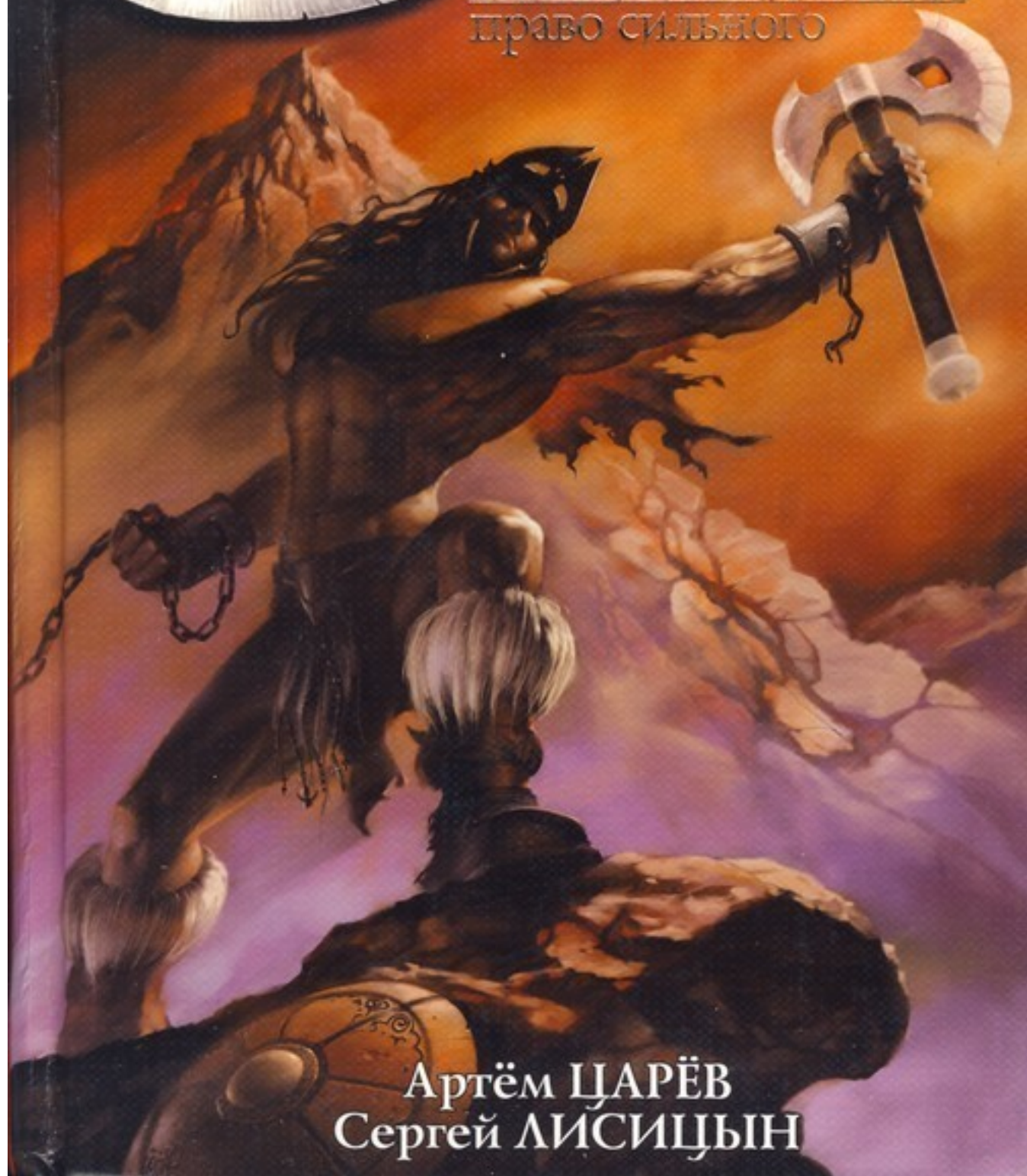

вселенная магических битв

Герсерк

МОЛОТ ВРЕМЕНИ
право сильного

Артём ЦАРЁВ
Сергей ЛИСИЦЫН

Арте́м Ца́рёв

Молот Времени: Право сильного

«То́чинов Ви́ктор»

Царёв А.

Молот Времени: Право сильного / А. Царёв — «Точинов Виктор»,

Вторая книга из межавторского цикла по миру настольной карточной и онлайн-компьютерной игры «Берсерк». Вселенная знаменитой игры «Берсерк» продолжает открывать свои сокровенные тайны! В далеком мире Лара, опаленном огнем чудовищного катаклизма, есть место только для сильных духом. Юный Хигарт, начисто лишенный магических способностей, – один из тех, кто выходит победителем из любой битвы, недаром его прозвали Непобедимым. Молодой воин, в совершенстве овладевший боевыми искусствами в Церкви Сеггера, отправляется на поиски могущественного артефакта – Молота Времени. Ему приходится прорубаться сквозь ряды лучших воинов Лаара, проявлять хитрость и звериную изворотливость на пути к цели, сражаться с умелыми магами и бороться с многочисленными искушениями. Но стальная воля Хигарта помогает ему преодолеть все преграды и добиться желаемого...

Содержание

Часть первая. ОПАЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ	5
Глава первая. Нелегкая жизнь кабацкого вышибалы	5
Глава вторая. Гость в дом – счастье в дом	12
Глава третья. О людях и мохноногах	21
Глава четвертая. Пламя гасят кровью...	31
Глава пятая. Тяжкая женская доля	42
Глава шестая. Тихий вечер в глухой провинции	49
Глава седьмая. Тихая ночь в глухой провинции	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Виктор Точинов (п/п Артем Царёв)
Сергей Лисицын
МОЛОТ ВРЕМЕНИ (сага о Хизарте)
Книга первая
ПРАВО СИЛЬНОГО

Пану Анджею, с уважением и любовью...

Часть первая. ОПАЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Глава первая. Нелегкая жизнь кабацкого вышибалы

Если глупого человека ударят по лицу, он полезет в драку или в страхе убежит.

Если умного человека ударят по лицу, он обратится к защите закона, императора и Церкви.

Мудрых же людей по лицу не бьют никогда.

Йонэс Эреб, магистр права, II век д. н. Л.

Дверь в трактире «Хмельной гоблин» была подвешена на петлях особого устройства, позволявших ей легко, от малейшего толчка, распахиваться как наружу, так и внутрь.

Предусмотрительность совершенно оправданная: порой ночные посетители, завершая вояж по аналогичным заведениям, добирались до «Гоблина» в таком состоянии, что вполне могли вынести незапертую дверь, не разобравшись, в какую сторону она открывается, – но вообразив, что их злонамеренно не пускают к источнику живительной влаги. К тому же наиболее пьяные и агрессивные гости зачастую не выходили из трактира, и даже не выползали, – покидали его в свободном полете, и чересчур мощное препятствие на их пути могло лишить хозяина потенциальной клиентуры.

В общем, публика собиралась здесь самая разная, и удивить чем-либо завсегдатаев было нелегко.

Однако новый гость сумел. Удивил.

Дверь с грохотом ударилась о стену, и разговоры мгновенно смолкли. Даже бормотун, сидевший в клетке у камина и имевший обыкновение приветствовать входящих отборной руганью на четырех языках, – и тот удивился: издал сдавленный нечленораздельный звук и захлопал тремя парами крыльев.

Болотный тролль – именно его появление заставило всех замолчать – прошлепал прямоком к стойке. За оружие посетители хвататься не спешили: шею зеленокожего чешуйчатого верзилю украшал медный ошейник, покрытый замысловатой вязью эрладийских рун. В трактир заявился не разбойник с большой дороги, неведомо как проскользнувший мимо военных и магических застав, окруживших Туллен. Нет, тролль самым законным образом состоял на королевской службе, причем в должности... мечника! Воистину поразительно...

Обычно болотные тролли пользуются своим излюбленным оружием – огромными, чуть ли не в человеческий рост, дубинами, вытесанными из комлевой части гевелеи, иначе говоря – болотной сосны. Орудия примитивнейшие, однако более чем действенные: шлем, выкован-

ный искусным оружейником из хорошей стали и укрепленный соответствующими заклятиями, может, конечно, выдержать чудовищный удар тролля. Но шейные позвонки ломаются, а голова внутри стальной скорлупы, увы, превращается в кровавую кашу...

У тролля, заглянувшего на огонек, дубины не было. Два меча на перевязях, причем второй – бастард длиной в полтора локтя – висел за спиной рукоятью вниз. Надо понимать, владелец выдергивал его обратным хватом, и умел сражаться с окружившими противниками в одиночку, без соратников, прикрывающих спину. Мастер меча... Троль – мастер меча! Времена...

Я торопливо допил кружку эля. Похоже, сейчас начнется потеха, а два дня назад в трактир завезли отличный эль, и жаль было бы утратить даже толику его в грядущей кутерьме. – Пиффа! – потребовал троль. – Тфа!

Не расслышать его в наступившей тишине мог лишь абсолютно глухой человек, но верзила для пущей доходчивости ткнул пальцем в глиняную кружку, стоящую под краном бочонка. А другую руку поднял вверх, оттопырив на ней два пальца.

Когти, украшавшие пальцы, внушали уважение. Я подумал, что обычную рукоять меча удержать в таких грабках трудно, требуется специальная конструкция гарды. Присмотрелся: нет, мечи как мечи... Странно.

Стоявший за стойкой Баррах смерил тролля внимательным, неторопливым взглядом. Затем решил поддержать диалог на языке жестов – молча ткнул пальцем в доску, где были выжжены четыре строчки на четырех наречиях. Угловатые руны соседствовали там с замысловатой вязью, которой привыкли излагать свои мысли жители Эль-Кхарима, а нижняя строка попросту пускала пыль в глаза: последних подземных карликов, использовавших эти пиктограммы, истребили воины Одоара Свирепого больше века назад.

Но смысл у всех четырех надписей был один: обслуживаем только людей.

Табличка отнюдь не декларировала нелюбовь Барраха к чужим расам – если таковая даже имела место, любовь к золоту была сильнее. Но воздействие крепких и даже не очень крепких напитков на непривычные к ним организмы нелюдей приводит к самым непредсказуемым последствиям.

Кстати, название трактира – «Хмельной гоблин» – основано на одной реальной, хоть и смахивающей на легенду истории, после которой заведение пришлось отстраивать заново. Так что пусть уж гоблины в веселящих целях употребляют свой излюбленный грибной отвар, а тролли вдыхают дым тлеющего болотного хвоща, – это им как-то привычнее.

После своего указующего жеста Баррах вновь внимательно оглядел тролля. И скорбно покачал головой: извини, дескать, дружище, но на человека ты никак не тянешь.

Троль некоторое время разглядывал надписи, и даже беззвучно пошевелил губами, изображая, будто бы умеет читать. А затем...

Уверен: большинство завсегдатаев и случайных гостей «Гоблина» даже не рассмотрели толком то, что произошло затем, – настолько быстро метнулась вперед лапища тролля. Зато звук, с которым коготь прочертил табличку, услышали все.

Наискосок, через все четыре строки, пролегла глубокая борозда с потемневшими, слегка обуглившимися краями. Запахло горелым деревом. Силен, бродяга...

– Каэн-дуааррэг! – проорал по-исхарски немного оправившийся от первоначального потрясения бормотун. Насколько я знаю, в Исхаре за этакое выражение человека могут легко и просто зарезать. А уж бормотуну точно свернут шею и отправят в суп.

И тут все взгляды обратились на меня.

Я нехотя поднялся из-за стола. Терпеть не могу лезть в драку сразу после ужина. Только настроился расслабиться, посидеть часок спокойно, потягивая эль...

– Солидные у тебя коготки, – начал я разговор почти даже дружески. – Но ты перестарался, вычищая ими болотную грязь из ушей. Выковырял невзначай остатки мозгов.

Троль издал невнятное рычание и обернулся в мою сторону. Вообще-то стоило не вступать с ним в беседы, а вышвырнуть сразу, не дав опомниться, и уж тем более не позволив схватиться за мечи.

Однако публика приходит сюда не только ради пива и прочих напитков. Но и чтобы иногда посмотреть, как знаменитый Хигарт проучит очередного наглеца. Зрелище не должно быть чересчур быстротечным...

– Дверь – во-о-о-н там, – просветил я тролля. – Если побежишь к ней быстро, то сильно сэкономишь на услугах лекаря.

Сейчас троль просто обязан был на некоторое время призадуматься: а что же ему, собственно, сказали? Подобные логические связки доходят до этих верзил с трудом. Иногда вообще не доходят.

Не призадумался. Не застыл, наморщив свой необъятный чешуйчатый лоб. Вместо того оскалился и сделал несколько шагов в мою сторону.

Что-то с ним не то... Но не осталось времени разбираться со странностями нетипичного выходца из болотных краев. Наступил решающий момент – если троль сейчас схватится за оружие... Маловероятно, конечно. Стоит кому-то из посетителей подвернуться невзначай под разящую сталь, – и зеленому любителю пива придется распрощаться не только с королевской службой, но и с кое-чем еще, – с головой, например... Однако заглянувший к нам на огонек громада *странный*, и ожидать можно всего.

Но нет, троль оказался настроен на честную мужскую драку. Относительно честную – учитывая, что он на полторы головы меня выше и весит в пару раз больше. Но, как бы то ни было, он расстегнул одну пряжку, вторую – перевязи вместе с мечами стукнулись о дощатый пол. Троль оттолкнул ногой свое имущество к стойке и продемонстрировал мне сжатый кулак. Размеры кулака впечатляли.

Я снял с запястья петлю Бьерсарда – и мой боевой топор тоже остался лежать на полу. Неторопливо согнул правую руку, и взбурившиеся мышцы с треском разорвали рукав рубашки. Согнул левую – и второй рукав постигла та же участь.

Публика восхищенно охнула. В основном таким образом выразили свои эмоции случайные посетители. Завсегдатаям этот трюк был хорошо знаком. Всё очень просто: рубашка специально подбирается с узковатыми рукавами, а швы на них распарываются и затем вновь прошиваются самыми бросовыми, гнилыми нитками, – Зилайне, разбитной девице, прислуживающей в трактире, приходилось повторять такую операцию с моей одеждой два-три раза в неделю.

Троля сей дешевый фокус не напугал. Он вышел на середину свободного от столов пространства, принял нечто вроде боевой стойки и поджидал меня.

Я же намеренно не торопился. Посетители, опасливо огибая верзилу по широкой дуге, потянулись к стойке. Баррах принимал ставки, делая пометки на восковой табличке. Я напряг слух: три к пяти, причем не в мою пользу. М-да, габариты тролля явно произвели большее впечатление, чем разорванная рубаха...

– Откуда ты, глупый троль? – потянул я время еще немного, занимая позицию напротив когтистого здоровяка. – На какое болото отправить твои останки, когда всё закончится?

Ответом стало лишь рычание. Затем троль бросился на меня. Обычный и почти единственный прием в драке у этой братии – вцепиться двумя руками в горло, пытаясь задушить и одновременно разорвать когтями артерию. Отбить такую атаку не трудно, достаточно удерживать дистанцию между собой и сильным, но неуклюжим противником, а затем улучшить момент для точного и сокрушительного удара.

Но кто-то и зачем-то обучил тролля-мечника приемам кулачного боя. И учитель знал-таки свое дело, а ученик оказался весьма способным.

Прежде чем я это сообразил, схватка едва не закончилась, толком не начавшись. Причем едва не закончилась моим позорным поражением.

Троль широко-широко размахнулся, и его огромный кулак устремился к моей челюсти. Такой удар, без сомнения, способен проломить стену. Или убить человека – если тот туп, как стена, и столь же неподвижно стоит на месте.

Я не стоял. Ушел нырком, несколько небрежным. В голове успела промелькнуть мысль, что надо дать верзиле возможность вволю помахать руками, можно даже пару раз позволить себя зацепить, – скользь, понарошку, но так, чтобы зрителям показалось: пропущен настоящий, добротный удар...

Не успел я додумать до конца эту наивную мысль, – троль ударил. Уже по-настоящему, умело прикрыв собственным телом готовый к удару кулак. И так же молниеносно, как совсем недавно обошелся с табличкой.

В-в-у-у-х! Уклонился каким-то чудом... Лицо обдала воздушная волна от пролетевшей мимо лапищи тролля.

Я отпрыгнул назад. Что-то тут не так... Да тут всё не так, раздери меня псы Кронга! Не бывает таких троллей!

Драться пришлось всерьез, без попыток разыграть спектакль. Троль тоже не пытался больше изобразить неуклюжего увальня. Никаких размашистых деревенских ударов – точные и сильные серии: в голову, в корпус, снова в голову, снова в корпус...

Я финтил, я уклонялся, выбирая момент, когда верзила ошибется.

Бесполезно. Троль беззастенчиво использовал преимущество своих более длинных лап, и ошибок не допускал.

Публика выла от восторга и раздражалась бурными воплями, когда мой кулак достигал противника. Впрочем, когда пару раз мне не удалось разминутся с кулаком тролля, вопли раздавались не менее громкие. Существенного вреда ни те, ни другие удары не нанесли, лишь добавили зрелищности схватке.

Краем глаза я видел: ажиотаж у стойки тоже усилился, Баррах едва успевал отмечать ставки на своей табличке.

Удар, удар, нырок, уход... А знаешь ли ты, чешуйчатый, один хитрый приемчик, которому я обучился в Уорлоге?

Он знал... Не купился на два финта, и разгадал ложный замах, и едва не своротил мне челюсть.

А вот этот трюк, придуманный Орденом Койаров для своих убийц, – знаком ли тебе он, дружок?

Трюк был хитрый: требовалось не просто рискнуть, якобы подставляясь под удар, – но на самом деле получить его. И я получил, но кулачище тролля лишь скользнул по моей скуле, прикрыться он уже не успевал, и...

Зал трактира «Хмельной гоблин» мгновенно исчез в ослепительной вспышке. Свой недолгий полет и более чем жесткое его завершение я уже не ощутил...

* * *

Девушка была совсем юной – наверняка тринадцать, самое большее четырнадцать раз видела, как лето сменяется осенью, а зима – весной.

В левой руке дева держала обнаженный меч – полутораручник, более приличествующий матерому наемнику, чем столь нежному созданию. С опущенного лезвия падали алые капли – на землю рядом с босыми ногами... На землю?! Да нет, никакой земли не было, и не было камня, или песка, или хотя бы пола, или палубы корабля, – короче, ничего, на чем можно стоять. Ноги девушки опирались на черное беспросветное *ничто*. Но кровь куда-то капала...

Красивая... Глаза бездонные, голубые-голубые, светлые волосы растрепаны живописной невесомой волной... Но впечатление портила голова, которую дева высоко подняла другой рукой, правой. Отрубленная голова.

Наверняка при жизни бывший владелец этой головы слыл не самым симпатичным на свете существом: изо рта, более напоминавшего пасть, торчали две пары скрещивающихся клыков, более напоминавших небольшие кинжалы; прочие черты лица тоже не отличались миловидностью. Из шеи – перерубленной аккуратно, одним ударом, – капала кровь. С клыков тоже срывались капли какой-то жидкости, не то слюны, не то яда. Обезглавленного тела поблизости не было. Поблизости (да и вдали тоже, если честно) не было вообще ничего.

– Это мой отец, – мелодичным голосом пояснила девушка, хоть я и не спрашивал пояснений.

Она чуть встряхнула голову, будто базарная торговка, стремящаяся показать товар лицом. Волосы головы, на удивление толстые, – казалось, не ведали о смерти хозяина, и жили своей независимой жизнью. Извивались, скручивались и раскручивались, и словно бы пытались впитаться в изящные пальчики...

– Это мой отец, – повторила дева. – Он меня любил... *Слишком* любил. Я убила его, – и взойду на костер, и войду в легенды...

Ее короткая туника была разорвана чуть ли не в клочья, и взору открывалось много интересного, но я отчего-то упорно пялился исключительно на голову.

Мертвые глаза распахнулись, словно почувствовав мой пристальный взгляд.

– Ты сейчас сдохнешь, Хигарт! – прорычала голова. – Сдохнешь, как и подобает сыну блудницы, – на заплеванном полу вонючего кабака!

«Заткнись, дохлый кровосмеситель! Проваливай в Бездну Хаоса!» – достойно и гордо хотел ответить я, но не сумел, потому что язык, гортань, связки и прочее, необходимое для ответа, осталось далеко отсюда. На заплеванном полу вонючего кабака, надо полагать.

Но голова, похоже, услышала мои беззвучные пожелания. И стала исчезать, становясь все более бесплотной, прозрачной...

– До встречи, Хигарт! – нежным голоском сказала дева и тоже начала таять. – Мы с тобой умрем вместе, милый!

Я не успел возразить, даже мысленно, на ее нелепое и непонятно на чем основанное заявление. Девушка исчезла, и надо мной...

* * *

...обнаружилась громадная ножища тролля, обутая в грязный поношенный сапог.

Сапог опускался прямиком на мою голову, готовый поставить финальную точку и в сегодняшней драке, и в моей карьере трактирного вышибалы. А заодно и в моей жизни.

Вот только... Только опускался сапог невероятно медленно, почти незаметно. Я мог при желании долго и внимательно рассматривать его во всех деталях и подробностях, мог пересчитать все трещинки на коже грязеруха, из которой сапог был пошит. Мог, опять же при желании, прочесть вслух все тридцать две песни бессмертной поэмы «Элвес и Триадея» великого Аргунта, – если бы знал их наизусть, разумеется. Прочесть, а затем повторить на бис особо удавшуюся барду сцену первой брачной ночи... Мог сделать всё это, и лишь затем убрать голову с того места, где тролль вознамерился раздавить ее, как гнилой орех.

Понятно...

Пока дух мой парил непонятно где, любуясь на грудь меченосной девы, виднеющуюся в прорехи туники, и на отрубленную голову, тело самостоятельно предприняло меры к собственному спасению... Вспомнило то, что ему приказано было прочно забыть. То, что я никогда не вспоминал в последние годы: когда охранял ходившие в Кандию и в Уорлог караваны, и когда

охотился на беглых рабов, и когда вышвыривал из трактира наглецов, норовящих разломать мебель...

То, чему меня научили в Храме Вольных, долгих одиннадцать лет натаскивая, словно бойцового пса... Однажды я понял, что псом мне не стать, что голодная и полная опасностей волчья жизнь лучше собачьего существования на цепи и в ошейнике... И ушел. Сбежал, если называть вещи своими именами. Не раз после того жизнь висела на волоске, но некоторыми боевыми техниками, основанными на Силе Храма, я все же ни разу не воспользовался. Хватало прочих умений, да и верный Бьерсард выручал в трудные моменты...

Но сегодня, лишившись на миг сознания, мое тело пустило в ход то единственное, что могло его спасти. Ну что ж, быть по сему...

Наверняка ни тролль, ни зрители не успели рассмотреть, как я вскочил с пола. Оказавшись на ногах, я застыл неподвижно, давая публике время себя увидеть, и простоял так до тех пор, пока взгляд тролля невыносимо медленно не пополз вниз, – туда, где сапог не встретил ожидаемого сопротивления моей разлетающейся вдребезги головы. Потом я ударил – тоже нарочито медлительно, словно бы протискивая кулак не сквозь воздух, а сквозь сопротивляющуюся упругую массу.

Чешуйчатая челюсть показалась твердой, как чугунная болванка. Я нанес еще два достигших цели удара – столь же демонстративных и неторопливых, но наверняка показавшихся со стороны молниеносными. И лишь затем принялся за тролля по-настоящему.

Никто не смог бы ЭТО увидеть, и уж тем более осознать увиденное, да оно и к лучшему, некоторые приемчики совсем не к лицу кабацкому вышибале. И уж вовсе ни к чему, чтобы кто-то попытался повторить этот трюк...

Моя рука с растопыренными пальцами устремилась к морде тролля, теперь уже по-настоящему быстро. И остановилась, не дойдя до цели пару ладоней, словно бы натолкнувшись на невидимую преграду.

На самом же деле незримые, наполненные Силой продолжения всех пяти пальцев вдавились в ноздри, и в полуоткрытую пасть, и в ушные отверстия, – вошли глубоко, до самого мозга...

Мозга?! Я чуть не взвыл от обжигающей боли. Кем бы – вернее, чем бы – ни была сущность, прикидывающаяся троллем, горячая и клокочущая субстанция внутри имитации черепа не имела с мозгом ничего общего... И даже с тем перерожденным мертвым веществом, что болтается в головах у нежити из Легиона Смерти, – не имела...

Со мной дралось искусственное существо, управляемое со стороны чужой волей...

Не медля, я ударил второй рукой, – так же, растопыренными невидимыми пальцами, но уже в тело псевдотролля: нащупать «руку» кукловода, засунутую в эту громадную куклу-перчатку, и сломать «пальцы».

Как бы не так... «Пальцы» едва не сломали мне – в незримой и быстротечной схватке. Однако не сломали, и цели я все же достиг, – якобы тролль, лишившийся управляющей воли, мгновенно осел и вроде бы даже стал меньше размерами...

Да, не показалось... Громадная фигура стремительно теряла рост и объем – словно надутый воздухом и затем проколотый бычий пузырь.

Я услышал изумленные вопли посетителей, до того звучавшие как неразборчивый низкий гул, – и понял, что незаметно для себя вернулся к нормальному темпу восприятия.

Квазитролля уже не внушал никакого почтения своими габаритами – напоминал упитанного двенадцатилетнего мальчишку. Вот это да... Мыслеформ! Кому-то пришлось в голову выпустить против меня не голема, наскоро слепого из подручных материалов и мертвой плоти, но сложнейшего, в мельчайших подробностях реально выглядящего мыслеформа... Не так уж много найдется в нашем мире магов, способных на такие штучки.

Мыслеформ быстро опадал, сжимался. Я знал, что очень скоро от него почти ничего не останется, лишь зародыш – крохотный, с лесной орешек, комочек пульсирующей псевдоживой материи. Но и такой трофеей не лишней – маг даже средних способностей сможет по нему определить, кто из великих стал автором мыслеформа.

Далекий кукловод тоже сообразил, что улику оставлять незачем. Бывший тролль, выглядевший совсем уж карапузом, неожиданно пустился наутек.

Я попытался его схватить, не получилось, – шустрый гаденыш юркнул под стол, завилял между табуретками и ногами, на ходу продолжая уменьшаться.

И началась потеха! Почтеннейшая публика развернула настоящую охоту на «троллёныша», явно в отместку за недавнее свое боязливое изумление: одни старались схватить карлика руками, другие швыряли в него кружками, кое-кто попытался припечатать подошвой к полу – когда мыслеформ уже не превышал ростом кошку.

Кончилось тем, что малюсенькая, меньше мышонка размером, фигурка исчезла из вида. Может, юркнула в крысиную нору, но желающих разламывать стены не нашлось.

Зато нашлись желающие оспорить результат поединка – те, кто ставил на тролля, разумеется. Нечестно, дескать, сплошное надувательство: боец оказался каким-то подставным карликом! Хилым, как младенец!

Баррах торопливо сгреб их ставки в выдвижной ящик, запираемый магическим засовом, и кивнул мне: разбирайся, мол.

Я продемонстрировал недовольным свою скулу, стремительно опухающую. Показал на обломки стола, разнесенного моим телом, отлетевшим после удара тролля. Затем дружелюбно и кротко предложил: вот я сейчас встану, держа руки за спиной, – и любой, кто сможет повторить удар «хилого карлика», получит свои деньги обратно. Ну а кто попытается и не сумеет... Тем придется покинуть заведение без помощи ног.

Смельчаков не отыскалось...

Но без вышвырнутых посетителей вечер все же не обошелся.

Глава вторая. Гость в дом – счастье в дом

*Три юных адептки магической школы Кавэхо,
В хрустальных водах озера Брайго купаясь,
Нашли вдруг Пресветлого Сеггера перст.
Нефритовый, был шелковист он и мягок,
И, с ним познавая природы Предвечную Сущность,
Три юных адептки в тот день пропустили занятия...
Бо-Карай, «О любви к прекрасному»*

Вернувшись за свой стол, я обнаружил Бьерсард не совсем там, где его оставил. Боевой топор лежал неподалеку, но все же чуть в стороне... Так-так-так...

Я обвел взглядом зал и обратил внимание на человечка с бородой, напоминающей козлиную. Козлобородый тихо и незаметно пробирался вдоль стены к выходу, причем прятал под плащом правую руку. Увидев, что я поспешил за ним, человечек попытался сбежать. Но, на свое несчастье, способностью уменьшаться и прятаться в крысиные норки он не обладал.

Так и есть... Поперек ладони, скрывавшейся под плащом, тянулся глубокий и широкий ожог.

– Это не простой топор, – объяснил я человечку, ухватив его за бороду и высоко подняв на вытянутой руке. – Он, знаешь ли, не любит, когда за него хватаются чужие блудливые ручонки. И я не люблю.

Человечек дрыгал ногами и верещал нечто маловразумительное: он, дескать, хотел лишь посмотреть вблизи на знаменитое оружие великого Хигарта, героя Серых Пустошей, покорителя башни Тул-Багар, и прочая, и прочая... Мало что вор, так еще и лстец. Простой любопытствующий не сжег бы руку до мяса, отделался бы волдырями.

– Ну-ну, посмотри...

Я приблизил Бьерсард к самому носу человечка, так, чтобы он смог увидеть в зеркальном лезвии отражение своей искаженной страхом физиономии.

Затем коснулся острием топора – коснулся без малейшего нажима – основания козлиной растительности.

Борода осталась у меня в руке. Человечек полетел к полу. Но не долетел, круто изменив траекторию под воздействием мощного пинка. Дверь легко распахнулась, почти не помешав полету, и снова закрылась.

Живи, Хаос с тобой... Радуйся, что вовремя помянул о моем героическом прошлом. А то мог бы лишиться кое-чего посущественней, чем борода.

– Йухабб бан зуаррах – шуами ан зуаррах, – издевательски прокомментировал происшествие бормотун.

По залу прокатился хохоток, кандийский здесь понимали многие. Шестикрылый насмешник (либо тот, у кого бормотун подслушал фразу) переиначил известную поговорку: «Гость в дом – счастье в дом», воспользовавшись схожестью кандийских слов, означающих гостя и человеческий орган, который в приличных компаниях начинают поминать лишь в изрядном подпитии. Здешняя и сегодняшняя компания уже дошла до нужной кондиции, и знатоки образовано растолковывали не уразумевшим:

– Йухабб, значит, из дома – а счастье в дом, гы-гы-гы... Мы тут, значит, сидим и пьем, а стервы наши там, дома, значит, не пойми с кем счастливы!

Баррах к стервам никоим образом не относился, но тоже выглядел совершенно счастливым.

– Молодец, – негромко похвалил он, когда я подошел к стойке и единым духом опустошил кружку эля. – Эк прикинулся! Сталбыть, прям как в королевском балете! Как вот дал себе

врезать и стол чуть не в щепки разнес, так, сталбыть, на тролля десять к одному начали ставить. Но за поломанные мебель, извиняй, я с твоей доли вычту, уж не обессудь. Дороги нонче мебели-то, не напасешься, коли каждого засранца таким манером вышибать...

Прикинулся, м-да... Голова до сих пор гудела после плотного знакомства с кулаком мыслеформа, спина отзывалась болью на любое движение. Но Баррах свято верит в мою непобедимость, и ни к чему его разочаровывать.

– К тебе хоть раз заглядывали раньше похожие твари? До моего появления здесь? – спросил я на всякий случай.

– Да я и знать не знаю, откель такие страховидлы выползают... У меня, сталбыть, трактир для приличных, и патент от короны выправлен, не от городского совета зачуханного...

– А с кем-то из магической братии здесь конфликтов не случилось? – продолжал допытываться я.

Вдруг все-таки совпадение, никак со мной не связанное. Например, кто-то из магов решил посидеть тут инкогнито, испить пивка, перебрал, напившись до полной потери колдовских способностей, был с позором вышвырнут, – и теперь сводит счеты?

Но Баррах в ответ лишь молча помотал головой.

– Пойду наверх, устал, – сказал я. – Возникнут проблемы – спущусь.

– Отдохни, сталбыть... Кстати, бороденку ту подаришь мне для пущей этой... как ее... для коллекции?

– Бери, – великодушно сказал я, протягивая спутанный клочок волос.

Коллекция Барраха, размещенная на стене возле клетки бормотуна, достаточно примечательна: ее экспонаты остались на память о людях, имевших несчастье протянуть в «Хмельном гоблине» свои руки к чужим вещам либо карманам.

Он взял гвоздь, молоток, и отправился пополнять экспозицию, благо именно этот раритет не засмердит без предварительной обработки...

А я пошел в свою комнату. Вела туда узенькая крутая лестница, весьма удобная в видах обороны, – с Бьерсардом в руках я смог бы здесь успешно отбиваться хоть от полка королевских гвардейцев.

Ступени отчаянно скрипели под ногами, каждая своим особым тоном. Объяснялось это не старыми, разошедшимися досками, – скрип имел магическую природу и докладывал: никто чужой здесь не прошел.

Но я поднимался все медленнее, томимый нехорошим предчувствием... Наверху кто-то был... Незванный гость, и едва ли с его появлением в дом пожаловало счастье. Ошибки быть не могло – рукоять Бьерсарда легонько щекотала, осторожно этак покалывала мою ладонь.

Дверь тоже никто в отсутствие хозяина не открывал, а магический запор на ней стоял серьезный, не уступающий тому, что охранял денежный ящик Барраха.

И тем не менее внутри находился человек... Один, и опасности от него не исходило, – лишь Сила, но зато какая... Казалось, воздух вокруг меня подрагивает и издает легкое, ниоткуда и отовсюду идущее гудение. Но так лишь казалось, большинство людей здесь не почувствует ничего, кроме самым непонятного, бессознательного нежелания входить в мою дверь...

Через порог я шагнул с тяжелым вздохом.

– Здравствуй, Хигарт, – буднично сказал человек, сидевший у стола.

И я понял, что исследовать крысиные норы в поисках зародыша мыслеформа не придется. Автор тролля-мечника был передо мной.

Давненько не виделись...

* * *

Приличные люди ходят в гости через двери. Менее приличные – воры и тайные любовники – через окна. Вовсе уж неприличные иногда используют печные и каминные трубы, – например, у ассасинов-Койаров это излюбленный способ проникновения в запертые помещения. Мой же гость пришел через стену. И к каким же людям его отнести?

Ладно бы еще выбрал другую стенку... Но именно на этой были развешаны кое-какие дорогие моему сердцу предметы. Коллекция, так сказать, на манер Барраховой. Не уши и не прочие детали организма, с которыми пришлось распрощаться домушникам и карманникам: патенты на военные и гражданские чины от одних нынешних властителей, – и приговоры от других. Приговоров, увы, было больше, в том числе парочка смертных, – заочных, естественно.

Стену прошедший сквозь нее человек привел в первоначальный вид, но с экспонатами не стал возиться. Вопрос: ну и как мне его называть после подобного свинства? Ответ: называть его следовало сайэром Хильдисом Коотом, светлейшим епископом Церкви Сегтера, а при прямом обращении – Вашим Светлейшеством. Среди двух десятков прочих носимых сайэром Хильдисом титулов можно отметить и такие: член королевского совета, боевой магистр Храма Вольных, примас капитула Инквизиции – то есть, фактически, первый заместитель и правая рука Феликса Гаптора, Верховного инквизитора...

Важная, в общем, шишка. Но в гости по приличному ходить не умеет. Не научили в детстве, наверное. Опять же, этот его мыслеформ...

– Здравствуй, Хигарт, – поприветствовало меня его инквизиторское светлейшество.

– И вам, сталбыть, здоровычка, сай бискуп! – раскланялся я, имитируя манеру речи Барраха и его посетителей. Мы, кабацкие вышибалы, академиев не кончали, беседам светским, сталбыть, не обучены.

Моё приветствие явно не привело в восторг епископа, и взглядом он меня одарил отнюдь не ласковым. Но никак не ответил, молчал, выдерживая паузу.

Я тоже не произносил больше ни слова. Раз уж заявился в гости незванным, так и говори первым, – зачем пришел и для чего.

На первый взгляд, ничто во внешности и одежде сайэра Хильдиса не выдавало человека известного и могущественного. Сейчас не выдавало, по крайней мере. В шикарную епископскую мантию для визита в «Хмельной гоблин» он не считал нужным облачаться, равно как и в парадный костюм примаса. Сидел в простой лиловой сутане инквизитора, подпоясанной шнуром с потрепанными концами. Впрочем, и этот шнур мог обернуться в руках боевого магистра грозным оружием, пострашнее, чем палица или меч. Лишь перстень с эмблемой капитула, сверкавший на левой руке, свидетельствовал: перед вами не просто младший служака Инквизиции.

А вот правую руку сайэр Хильдис скрывал в складках сутаны, что мне никоим образом не понравилось. Однако прямой угрозы здесь не таилось, иначе Бьерсард реагировал бы совсем по-другому. Многие свойства этого боевого топора, созданного века, а то и тысячелетия назад, остаются загадкой. Несомненно одно: у древнего оружия имеется некий псевдоразум, и жизнь своего владельца он оберегает весьма старательно и изощренно.

Пауза затягивалась. Видя, что я нипочем не желаю ее нарушить (например, изумиться: как же его светлейшество здесь очутилось?), епископ заговорил первым. Начал с риторического вопроса:

– Не стыдно, Хигарт?

– Э-э-э... извиняйте, сай бискуп... – устыдился я. – Неприбрано у меня тут, вестимо... Зилайна, вертихвостка этакая, вконец от рук отбимшись, только хахалей на уме и держит...

Сайэр Хильдис изволил конкретизировать свой вопрос:

– Не стыдно тебе, воспитаннику Храма и герою Серых Пустошей, прозябать здесь? Зарабатывать на дешевую выпивку, вышвыривая из кабака пьяных оборванцев?

– Дык эта... работенка-то не пыльная... поесть-попить вволю завсегда... хвартира, опять же, забесплатная... тока вот... стеночку вот мою... Вам-то, сай бискуп, это за пустяк сойдет... А я ж долгие годы, трудом непосильным...

– Что за ахиня? Какая еще стенка?

Ровный и холодный тон епископа не изменился, но мне казалось, что сдерживается он с трудом.

– Ну дык, вестимо, сай бискуп – эта вот стеночка... – самым плебейским жестом ткнул я пальцем в стену, испорченную его светлейшеством. – У меня туточки, сталбыть, энта была... как ее... коলেখия, вот.

– Не юродствуй, Хигарт! – рявкнул-таки сайэр Хильдис. – Прекрати изображать недоумка!

Его левая рука сжалась в кулак, и уже начала подниматься вверх, словно боевой магистр вознамерился от души грохнуть по столешнице. Но в последний момент передумал... И правильно, хватит на сегодня поломанной мебели. Епископу что? – пришел, ушел, а с меня Баррах опять начнет вычитать за испорченную обстановку.

Кстати, вопреки предположениям сайэра епископа и собственным моим словам, трудился я в «Гоблине» отнюдь не за крышу над головой, еду и выпивку, – был полноправным совладельцем заведения, и четверть приносимого трактиром дохода по праву принадлежала мне. А также половина выручки от нашего вечернего тотализатора. Однако не повод, чтобы ломать «мебель».

Епископ помолчал, словно устыдившись своей вспышки. Затем продолжил прежним спокойным тоном, причем предпочел сразу взять быка за рога:

– Нам нужна твоя помощь, Хигарт. Мы *просим* помочь, и надеемся, что ты не откажешь в нашей просьбе.

Вот даже как... Просим... Признаюсь, я ждал совсем другого, оттого и изображал дебиловатого недоумка. Например, предполагал, что епископ задаст простой вопрос: а не собираюсь ли я наконец расплатиться за годы обучения в Храме? Такая наука дорогого стоит... А я бы в ответ продемонстрировал ему редко просыхающего вышибалу, опустившегося и прочно позабывшего былые знания. Хотя сегодняшняя проверка – драка с якобы троллем, за которой епископ наверняка наблюдал магическим зрением, – весьма бы осложнила мое лицедейство...

Но сайэр Хильдис произнес лишь то, что произнес. Просьбу о помощи, а не требование отслужить долги.

– «Мы» – это кто? – уточнил я. – Храм? Церковь Святейшего Сеггера? Инквизиция?

– Присаживайся, – кивнул на стул епископ, – не люблю смотреть на людей снизу вверх. И отложи наконец свой топор.

Давно бы так... А то расселся, как у себя дома, а хозяин перед ним навтыжку стоит. Да я с самим Феликсом Гаптором разговаривал, так и тот после второй фразы сказал: садись, адепт, в ногах правды нет, и обращайся без длинных титулов, по-простецки, – Ваше Надпрестольное Святейшество...

– Мы – это всё то, что ты перечислил, – объяснил сайэр Хильдис. – Церковь, Инквизиция, Храм... А еще королевский совет Туллена и его высочество принц Орвас, местоблюститель императорского престола Аккении.

Заинтриговал, однако... Если уж такие могущественные силы (причем каждая из них обычно блюдет свои собственные интересы) объединяются для какой-то затеи, то... То что же они затеяли, раздери меня псы Кронга? Опять решили попытать счастья, начав сообща новый великий поход на Темную Сторону? Едва ли, раны от предыдущего еще толком не затяну-

лись... Да и к чему им тогда Хигарт? Всего лишь один лишний человек и один лишний боевой топор, пусть даже такие знаменитые...

Его светлейшество не стал томить меня долгим неведением.

– Все названные силы очень заинтересованы в поисках – и в находке, разумеется, – некоего древнего артефакта. Вернее, в поисках его составных частей, ибо как единое целое он в настоящий момент не существует.

Фи-и... Размечтался, думал, что-то действительно интересное. А господам магам всего лишь захотелось получить новую чудодейственную игрушку.

Демонстрировать показной интерес к тому, что ничуть меня не заинтересовало, я не стал, меньше знаешь – дольше живешь. Сказал епископу прямо:

– Беда в том, что я в поисках вашего артефакта никак не заинтересован. Есть же специалисты, профессиональные охотники за Небесными Кристаллами, за артефактами Древних, за старым оружием... Почему бы не обратиться к ним?

– Они занимаются мелочами. Детскими игрушками. А здесь речь идет о судьбах всего нашего мира, извини за высокопарность.

Не извиню... Не дождетесь, сайэр епископ.

* * *

...Стрелы падали градом – выпущенные не из луков, и не из арбалетов, и не из духовых трубок, которыми иногда пользуются синекожие дикари Уорлога... Метали стрелы – без помощи каких-либо механических приспособлений – кружащие в воздухе крылатые создания. Птицами назвать их язык не поворачивался: ни единого перышка, угловатые костистые тела, перепончатые кожистые крылья. Не знаю уж, каким способом, физическим или магическим, гнусные твари отстреливали свои «стрелы», – длинные и зазубренные костяные шипы. Но как-то отстреливали, и очень быстро, буквально на глазах, выращивали новые...

Бьерсард метался над головой с бешеной скоростью, почти невидимый, слившийся в размытое пятно, – не рука управляла топором, но он рукой. Обломки костяных стрел падали мне под ноги, цели не достигла ни одна... У остальных не было подобного оружия, способного создать непробиваемый щит. А обычные щиты и доспехи стрелы прошивали насквозь...

Оставалось одно – бежать, бежать со всех ног к лесу, искать спасение от зазубренной костяной смерти под сплошным покровом гигантских, непробиваемых крон вековых гевелей...

И мы бежали, хотя в лесных дебрях поджидали не менее поганые сюрпризы... Кажется, бегство в сторону врага называется наступлением?

Тогда мы наступали. Мы рвались к Тул-Багару...

-оксв..Бежавший рядом Кх'наар не разминулся с очередной стрелой. Упал, попытался чить, пробитая навывлет нога подломила... Я подхватил его свободной рукой, потащил к спасительной стене деревьев, а над головой Бьерсард продолжал свою пляску, и удерживающая его рука уже не ощущалась, казалась чем-то чужим, инородным, по ошибке пришитым к моему телу...

Потом, уже в лесном полумраке, я смотрел, как распадается на глазах тело Кх'наара – стрелы проклятых тварей оказались пропитаны магическим ядом – неизвестным, но чудовищным по своему действию... Кх'наар был еще жив, он заживо разваливался на куски, и ему было очень больно, он дико кричал, пока оставалось чем кричать, а я – двадцатилетний мальчишка, надежда и лучший боец Храма – все никак не мог набраться решимости, пустить в ход Бьерсард и прекратить мучения...

Потом мы – все, кто уцелел – пошли вперед, по колено в крови, по трупам тех, кто пробовал заступить нам путь...

Мы рвались к Тул-Багару.
Мы спасали мир.

* * *

Давно и не мною замечено: если маг (или, хуже того, великий маг) подражает простого смертного воина исполнить какое-либо опасное поручение в далеких и враждебных краях, – то речь всегда идет о спасении мира, не больше и не меньше.

Уверен, что мифический герой Элвес, о котором до сих пор спорят ученые мужи: жил он или нет на самом деле? – даже великий Элвес совершал свои прославленные подвиги не ради того, чтобы всего лишь добыть дарующие вечную юность яблоки для царя Гензекриса, или же для его супруги – пояс Владычицы нельфияд... Нет, наверняка древнему герою тоже напустили тумана: мир на грани гибели, не достанешь яблоки – и настанет всеобщий конец, а Владычица нельфияд – новая ипостась Темного Властелина, ясней ясного. Отчего-то маги и их сюзерены обожают объявлять Повелителями Зла и Врагами Рода Человеческого тех владык, чьи земли или артефакты им приглянулись...

Прошли века, прошли тысячелетия, – не изменилось ничего. Всё так же юные дурачки, только и умеющие хорошо махать мечом, верят магам и в очередной раз отправляются спасать мир...

А с меня хватит. Наспался. Прошел по колено, – да что там, по уши в крови прошел к Тул-Багару, – и до сих пор не знаю, зачем совершил это, оставив за спиной гору трупов... Никаких чудодейственных артефактов в древней и необитаемой башне не нашлось. И мир, по большому счету, остался тем же. Наверное, был какой-то высокий смысл в том, чтобы над Тул-Багаром взвился вымпел с изображением пылающего факела, – не знаю, мне не объясняли... Не знаю и не хочу знать. Потому что тогда придется решать, придется взвешивать на невидимых весах собственной души: что мне дороже, пресловутый «высокий смысл» или погибшие друзья?

Не хочу. Не буду. Сами спасайте мир, а я уж тут, трактирным вышибалой... Бесплатная жратва, выпивка, крыша над головой опять же...

Примерно такими словами я и объяснил ситуацию сайэру епископу. К моему удивлению, разгневанным или раздосадованным он не выглядел. Выглядел безмерно усталым... Медленно произнес:

– Во многом ты прав... Хотя, как мне кажется, если бы с тобой до Тул-Багара добрался хоть один маг, всё могло быть совсем иначе. Линии Темной Силы ведь пересекаются в Тул-Багаре не просто так, не по капризу географии. Возможно, артефакт – сама башня, а ты не смог этого понять... Ты помнишь, каким был наш мир до Катаклизма? – неожиданно сменил он тему.

– Мне было тогда восемь лет. Что можно запомнить в этом возрасте?.. Помню дом, помню родителей, – и то смутно. А мир... Много ли мы знаем о мире в раннем детстве?

– Ну так посмотри.

Рука сайэра епископа вынырнула из складок сутаны, и я увидел не зажатое в ней оружие: всего лишь большой кристалл – прозрачный с фиолетовым отливом. Кристалл мерцал, переливался, затем из него вырвался расширяющийся конус света, уперся в стену, – и стены не стало. Теперь вместо нее я видел Лаар – с высоты даже не птичьего полета, но таким, каким он видится, наверное, из небесных чертогов Пресветлого Сеггера.

Это был совсем иной мир. Лишь отдаленно похожий... Я узнал знакомые очертания горных пиков Страны йордлингов, но за ними начиналась не выжженная каменистая пустыня, бесплодная и покрытая глубокими трещинами, – зеленела бескрайняя степь, и пересекали ее голубые линии рек, и паслись на их берегах бесчисленные стада каких-то животных...

Взгляд скользил по тому Лаару, который я никогда не видел, – казалось, мы с сайэром епископом не сидим в моей комнате, а летим в небесной вышине, любуясь новыми и новыми видами.

На месте Лухаарской котловины – гнусного местечка, населенного мерзкими и хищными тварями, – взгляду открылось обширное синее пространство, и я не сразу сообразил, что это море.

Море... Никогда не видел море вживую, только на старых картинах... А эта белокрылая громадина, скользящая по волнам, – корабль. Никакого сравнения с лодчонками, на которых сейчас плавают по своим уцелевшим озерам жители Уорлога.

Внизу проносился лес, с деревьями, которые я никогда не встречал растущими в нынешнем мире. Возделанные поля – люди и животные на них казались крохотными букашками. Лента реки, опять лес, снова поля... Вдали я увидел строения, большие, из белого камня. Город? Город...

Спустя мгновение я узнал его.

Соэра... Показалось, что мелькнул дом с белыми мраморными колоннами и фонтаном во внутреннем дворе. Дом, где я родился и рос...

– А теперь посмотри на другое, – мрачно сказал сайэр Хильдис.

Картинка изменилась мгновенно. Внизу по-прежнему была Соэра – руины, окутанные дымкой ядовитых испарений. Жуткие существа обитали там: огромные, поглощающие друг друга бесформенные сгустки живой слизи, и питающиеся ими хищники, состоящие, казалось, из одной пасти, и даже богоскверняющие пародии на людей – уродливые, со звериными чертами и повадками...

Я отвел взгляд. Я не хотел это видеть.

– Смотри! – настаивал епископ.

Ненавижу... Зачем он это сделал? Зачем убил ту светлую, солнечную Соэру, что жила где-то в дальнем уголке детских воспоминаний? Зачем??!!

* * *

Разговор длился третий час...

– Я знаю про Катаклизм то же, что и все... – уныло говорил я. – То, чему меня учили в храмовой школе: мера грехов людских превысила терпение Создателя, а отступник Архааль...

– Забудь! – резко перебил сайэр епископ. – Те, кто тебя учил, сами не знали, что такое Катаклизм. И я не знаю... И никто не знает!

Он помолчал. Потом заговорил медленно, задумчиво:

– Догадки, предположения, версии... Плодятся и множатся. Появилась даже такая: не Архааль погубил наш мир, – наоборот, погиб в отчаянной попытке спасти от Катаклизма... Между прочим, за эти свои слова я, в качестве примаса капитула Инквизиции, должен бы отправить сам себя на костер, как самого опасного еретика... Ясно одно: все последние годы мы лишь рубим ядовитые побеги, понятия не имея, где зарыт корень зла. И Легион Смерти, и все твари и демоны Темной Стороны, – лишь следствия некоей причины, которую мы не знаем...

– Как же вы собираетесь спасти мир, если не знаете, отчего он гибнет?

Поймите правильно – в спасители Лаара я по-прежнему не рвался. Но заинтересовался, как представляет означенный процесс сайэр епископ. Иногда полезно глянуть на мир не из темного зала трактира, а с высоты небесных чертогов... Пробуждается любопытство к глобальным проблемам.

– Посмотри, – епископ вновь активизировал свой кристалл. – Вот те области Лаара, хоть какая-то информация о которых у нас имеется. Ничего не кажется странным?

– Разве что цвет...

– Оттенки красного характеризуют степень воздействия Катаклизма, – пояснил сайэр Хильдис.

– В общем, понятно... Чем дальше к северу, тем хуже дело. Но вот эти три зеленых острова...

– Именно так. Болота Уорлога почти не затронуты. Равно как горы гномов и леса Нальраэна, – хотя Нальраэн угодил почти в эпицентр Катаклизма. Что их оградило?

Вопрос звучал явно риторически, и высказывать свои догадки я не стал. Да и не было их, догадок...

– Ты слышал о Молоте Времени? – спросил епископ.

– Краем уха... Никогда не увлекался древними легендами.

– Это не легенда. Поиски в старых архивах подтвердили: такое оружие действительно существовало. И, судя по всему, было некогда применено как раз для того, чтобы предотвратить Катаклизм, очень напоминающий нынешний... Более того, Инквизицией найден текст заклинания, позволяющего создать Молот.

– За чем же дело стало?

– Одного лишь заклинания мало. Три части Молота, пропавшие много веков назад, уникальны. Заклинание позволит соединить их вместе и привести получившееся единое оружие в действие. Хотя и сами по себе они способны на многое.

– Эти три уцелевших в Катаклизме острова...

– Да. Три части Молота лежат там.

– Понятно... – протянул я. – И вам нужен Хигарт в качестве героя по вызову. Представляю себе удовольствие: рыскать в темноте по лабиринту пещер, на каждом шагу резаться с гномами, разъяренными вторжением, и искать нечто, даже неизвестно на что похожее...

– Начать придется с болот Уорлога, – сказал епископ так, словно я уже согласился. – Местонахождение хранящегося там Навершия Молота мы установили достаточно точно. Осталось пойти и взять... Две других точки сейчас активно вычисляются.

– Пойти и взять... – недоверчиво повторил я. – Что же вы сами не пойдете и не возьмете?

– Послать в Уорлог большую армию – значит нарушить весь тот хрупкий баланс сил, что установился после окончания Войны Стихий. И, уверен, Легион Смерти и прочие создания Хаоса не упустят возможность ударить в спину. Спасительный артефакт не пригодится, если спасать будет уже некого...

– Значит, маленький, незаметный отряд... – проговорил я полувопросительно, полутвердительно.

– Да. Не просто отряд, но отряд с тобою во главе. Потому что три ранее посланных отряда не вернулись. Ты согласен? Решай сейчас, времени на раздумья нет.

Может, и в самом деле ставкой в затеваемой игре были судьбы мира... Но я о них отчего-то не думал. Сидел и вспоминал мерзких тварей, копошащихся возле пересохшего фонтана, у которого я играл ребенком...

– Я согласен.

– Не сомневался, что ты согласишься.

– Но у меня два условия, – торопливо сказал я, пока сайэр епископ не начал распоряжаться и командовать.

– Какие?

– Во-первых, людей для похода я отбираю сам.

– Не всех. Половину, самое большее. Остальных подготовил Храм. Без опытного мага, например, ты не сможешь даже приблизиться к Навершию Молота.

– Хорошо, пусть будет так.

– Второе условие?

– Приведите эту вот стенку в первоначальный вид, вместе со всем, что на ней висело. А то сгину в болотах – что внукам на память останется?

– У тебя есть внуки? – поднял бровь епископ.

– Ну... Дети-то есть... наверное... Значит, и внуки будут.

– Если ты сгинешь в болотах Уорлога, – мрачно произнес епископ, – о будущем твоих внуков печалиться не стоит. Не будет ничего: ни внуков, ни будущего...

* * *

Закончилась наша беседа глубокой ночью, когда голова моя вконец распухла от множества сообщенных епископом фактов, имен и названий.

– А как же стеночка-то, сай бискуп? – напомнил я, видя что сайэр Хильдис начинает творить заклятие, открывающие портал. – Колехция-то моя как же?

Епископ негодуяще фыркнул, но сделал-таки несколько замысловатых пассов, одновременно произнеся длинное многосложное слово, в принципе незапоминаемое.

Экспонаты вернулись на место. Почти все.

– А вот здесь приговорчик еще висел! – возмутился я. – От Верховного суда светлейшего лорда-хранителя Гудаэра! Мне он дорог как память о супруге лорда!

Помянутый приговор осуждал меня на десятилетнее изгнание из владений лорда-рогоносца, и грозил усекновением головы в случае незаконного возвращения. Раздобыть копию, заверенную печатью личной канцелярии Гудаэра, стоило немалых хлопот. А теперь, увы, пергамент угодил на линию разрыва, и восстановлению, судя по всему, не подлежал.

– Могу, как член королевского совета, посодействовать. Обеспечить взамен другой приговор, – ехидно предложил епископ, – на бессрочные каторжные работы в подземных рудниках.

С этими словами сайэр епископ лишил меня счастья лицезреть его присутствие, шагнув в раскрывшийся портал. Ладно хоть из вежливости выбрал другую стену, не украшенную «колехцией».

– Йухабб бан зуаррах – шуами ан зуаррах, – прокомментировал я его убытие цитатой от бормотуна. Затем добавил уже отсебятину:

– И не мечтай о шуами, брат Хигарт. У тебя в ближайшей перспективе грядет лишь сплошной йухабб.

Глава третья. О людях и мохноногах

*Книги – золотые сосуды, наполненные манной небесной; утесы, из
коих струится мед, или, лучше сказать, полные медом улы; вымена,
распираемые млеком жизни; плодовые сады, не ведающие неурожая...
Эрс де Бри, «Филобиблон, или Услада книгочея»*

Границей сайэрата Лигонг служило высохшее русло одноименной реки. И чем ближе мы приближались к границе, тем чаще попадались навстречу беженцы, в одиночку и небольшими группами бредущие по дороге в сторону Туллена.

Некоторые останавливались на обочинах, глазели на конную пулу, идущую на рысях в походном строю, под развернутой королевской хоругвью, – поглядывали с надеждой, но назад не повернул ни один из беглецов... Некоторых останавливали мы, расспрашивали, пытались узнать последние новости о крестьянском мятеже, вспыхнувшем в домене мага Ирэгаса и перекинувшимся на Лигонг.

Как обычно и случается, истинные факты в рассказах беженцев оказались глубоко погребены под лавиной слухов и домыслов. Не вызывало сомнений лишь одно: Каэр-Лигонг пал два дня назад. И на воинов владетельного сайэра Тируса Лигонга, известного под прозвищем Хозяин Колеса, рассчитывать нам нечего... Даже если сайэр Тирус и сумел вырваться из своей осажденной цитадели, – неизвестно, где искать остатки его дружины.

...Мятеж начался после того, как маг Ирэгас, до сих пор успешно оборонявший свой домен от вылазок тварей, приходящих с Темной Стороны, погиб в одном из пограничных сражений. Подробности гибели мага и отряда зачарованных им созданий известны не были, по крайней мере мне епископ Хильдес Коот их не сообщил. Не исключено, что Храм и Инквизиция даже втихомолку порадовались, – магистр Ирэгас был одним из виднейших магов Тоа-Дана, и находился с Храмом и Тулленским престолом в состоянии весьма настороженного нейтралитета, которому лишь общая опасность не позволяла перейти в откровенную вражду.

Как бы то ни было, маг погиб, домен его остался без владельца и защитника, – и спустя недолгое время в нем вспыхнул мятеж. Ничего удивительного: вся жизнь обитавших там земледельцев зависела от воды, добываемой из земных глубин Ирэгасом – магическим путем добываемой, естественно. Люди были обречены погибнуть от голода и жажды – либо должны были попытаться с оружием в руках отвоевать у соседей все необходимое для жизни. И выбрали второе... Начали, конечно же, с присных собственного господина.

Вооруженные толпы крестьян перебили старост и сборщиков податей, назначенных покойным магом; разграбили и сожгли его замок...

Никто из властителей либо других магов не поспешил взять домен под свою руку, пока дело не зашло слишком далеко, никто не попытался вывести жителей на другие земли, или восстановить подачу воды. Дело в том, что порожденный Темной Стороной существа раньше в подобных случаях всегда без промедления атаковали беззащитные домены. Земли Ирэгаса стали исключением.

Затем произошло то, чего следовало ожидать: мятежники недолго довольствовались найденными в разграбленном замке запасами – и очень скоро пламя восстания перекинулось на соседние земли... На владения сайэра Лигонга.

Вот тогда королевский совет уже встревожился: Лигонг был вассалом Туллена. Достаточно своевольным, порой строптивым, но все же вассалом. К тому же домен владетельного сайэра Лигонга непосредственно граничил с коронными землями.

А еще – охваченная мятежом область лежала на пути отряда, выступившего на поиски Молота Времени.

На моем пути.

* * *

Безымянная придорожная корчма походила на небольшую крепость: сторожевая вышка с площадкой для лучников, массивные, окованные железом двери, узкие окна, более напоминающие бойницы... Вокруг – высокий частокол из толстых бревен с заостренными концами. Никакого сравнения с гостеприимным «Хмельным гоблином» – посетителей здесь, в приграничье, пускали за порог явно с разбором.

Однако не помогло...

Посетители заявили в большом числе, и агрессивно настроенные, и притащили с собой ствол недавно срубленного дерева с грубо отсеченными сучьями, и проломили тем стволом ворота, и вышибли двери, и...

А вот что произошло дальше, сказать трудно. Может, штурм закончился полным успехом, резней, грабежом и большой пьянкой. Может, хозяевам удалось-таки отбиться, после чего они ушли сами, забрав, что смогли, а остальное припрятав, – справедливо рассудили, что лучше переждать смутное время в более спокойных местах...

В любом случае, людей в опустевшей и опустошенной корчме не осталось. Живых людей – в арке вышибленных ворот висел человек со вспоротым животом, подвешенный за связанные руки. Наверное, все же один из нападавших, – незваные гости, сдается, в случае своего успеха спалили бы напоследок корчму.

Умирал повешенный долго и мучительно, и умер совсем недавно.

– Вы способны его *расспросить*, мэтр магистр? – спросил я у Гаэлариха.

– Я не занимаюсь некромантией, – ответил маг с невыносимо надменным видом.

Тьфу... Вот ведь не повезло с соратником в нелегком деле. Маг из новоиспеченных... Еще вчера, небось, был студизусом и, не чинясь, откликался на Гаэла, а теперь вот облачился в новенькую фиолетовую мантию, задрал нос до небес и не реагирует на обращения, произнесенные без обязательного «мэтр магистр».

Однако, несмотря на юные года, он считался крупнейшим специалистом по Молоту Времени. Не знаю уж, как можно изучать свойства артефакта, покамест не найденного, господам магам виднее... Но диссертация Гаэлариха, предоставленная на соискание степени магистра, оказалась посвящена именно Молоту и способам его применения.

В нашу беседу вмешался благородный сайэр Удиго-ар-Виеналь, командир пулы, за глаза именуемый солдатами попросту Уди. Подъехал, брезгливо сморщил нос при виде свисающих до земли кишок повешенного, обратился к Гаэлариху, на столичный манер растягивая звук «Э»:

– Не чуете тут магии, м-э-этр магистр? Или, э-э-э-э, существ *оттуда*?

– Не чую, сайэр пулмайстер, – сухо откликнулся маг. – Обычное оружие, обычные люди. Он беззвучно пожевал губами, и повторил со значением:

– Самые *обычные* люди... Увы.

Мальчишка... Идеалист... Гаэларих младше меня, и может лишь по рассказам знать о благословенном «золотом веке», оборванном Катаклизмом. Наверняка мечтает, овладев Молотом, спасти мир, вернуть и возродить потерянное... Впрочем, несколько лет назад я был ничуть не умнее.

Удиго казался полностью удовлетворенным: никаких магических созданий, никаких демонов Темной Стороны. Поставленная задача будет выполнена.

А вот мне уверенность – вернее, самоуверенность – сайэра пулмайстера нравилась все меньше. Происходил он из офицеров придворных, гвардейских, боевой опыт имел минимальный. Однако вот получил назначение командовать пулой, посланной на усмирение мятежа.

Неплохой случай украсить послужной список, где нет ничего серьезнее и опаснее учений и парадов. К тому же какой-либо риск отсутствует – неорганизованные крестьянские толпы в панике разбегутся, едва завидев разворачивающуюся для атаки королевскую легкую конницу. Останется лишь ловить и вязать бегущих...

По крайней мере, Хильдис Коот планировал именно такое завершение карательной экспедиции. Нашему же отряду в бой с мятежниками вступать было категорически запрещено. Всадникам Удиго надлежало проводить нас через все охваченные восстанием области, до западных границ манора мага Ирэгаса, а затем двигаться обратно, растянувшись в длинную линию, составленную из небольших отрядов, – и гнать мятежников, как на облавной охоте, к Туллену. Не убивать, ни в коем случае не убивать, твердил нам на прощание епископ. Разве что, когда иного выхода не останется... После Катаклизма, дескать, на Лааре уцелела едва ли десятая часть населения, каждый человек дорог и ценен. Дорог, кто бы спорил... Рабы для рудников и каменоломен всегда в цене... А Инквизиция облагает операции с «живым товаром» не десятиной, как прочие торговые сделки, – но забирает пятую часть выручки. Пресветлый Сеггер, мол, с неодобрением взирает на работорговлю.

...Вдали показался наш обоз, охраняемый двумя сотнями конных лучников. Вozы с огромными, в рост человека, колесами неторопливо катили к корчме – она загодя была выбрана как место встречи и привала.

Солдаты Удиго нравились мне больше, чем их командир, – пула боевая, участвовавшая еще в Халланском походе, а в последнее время побывавшая во многих пограничных стычках. Одна беда – схватки с авангардными отрядами Легиона Смерти не обходятся без потерь, порой весьма жестоких. Перед выступлением на мятежников в потрепанную и обескровленную пулу влилось пополнение, и почти две трети бойцов сейчас – недавние новобранцы, неплохо обученные, но не бывавшие в деле...

Подошел мэтр Тигар, ехавший с обозом. Низенький, коротконогий и короткорукий, с непропорционально огромной лысой головой. Зачем епископ Хильдис навязал мне этого спутника – загадка. Боевыми навыками не владеет, магических способностей не имеет. На мой прямой вопрос сайэр епископ ответил более чем уклончиво: Тигар, дескать, сможет оказать неоценимую помощь в самых неожиданных, непредвиденных ситуациях, и беречь его надо пуще глаза. Но какую именно помощь, раздери меня псы Кронга?! Он в своем поношенном черном костюме весьма смахивает на гробовщика – случаются, кто бы спорил, непредвиденные ситуации, после которых услуги этой братии весьма необходимы...

Но наказ епископа я выполнял. Оберегал загадочного человечка. Вот и сейчас он шествовал в нашу сторону не один, с личной охраной, – в сопровождении одноглазого Зойды. Этого мрачного йордлинга, непревзойденного мастера копья, потерявшего глаз в походе к Тул-Багару, я знал восемь лет. И был уверен: пока он жив, с лысым коротышкой ничего не случится. А убить Зойду не так-то просто. Многие пытались, земля им пухом, однако не преуспел никто...

Ему хватило одного беглого взгляда на корчму, чтобы понять, что здесь произошло.

– Мятежники? – спросил Зойда с крайне недовольным видом, то есть с таким, как обычно. – Или случайная шайка?

Я пожал плечами. По нашим прикидкам, передовые отряды мятежников могли оказаться в этих краях лишь через день или два. Но...

Но авангардная сотня, высланная Удиго-ар-Виеналем на разведку, до сих пор не вернулась. И меня это тревожило...

– Собери всех наших, – негромко сказал я Зойде. – Во-он туда, за амбар. Потолкуем.

– А этих? Храмовых?

– Нет. Только свои.

Свои – тринадцать человек, отобранных мною для похода. Еще десятерых воинов назначил епископ. Он же, сайэр Хильдис, включил в состав экспедиции мага Гаэлариха с двумя ассистентами и загадочного мэтра Тигара.

Непонятный человечек, кстати, повел себя более чем странно при виде разгромленной корчмы и висящего на воротах мертвеца. Извлек из-за пазухи стилос, восковую табличку, – и начал быстро делать какие-то пометки, время от времени бросая взгляды на повешенного.

Сочинял донесение епископу? Но зачем? Не так уж далеко мы отъехали от столицы, и сайэру Хильдису ничто не мешает наблюдать за нами магическим зрением.

Еще одна загадка...

* * *

Спустя час разведчики вернулись, и привезенные ими вести совершенно успокоили сайэра пулмайстера: всадники широким поиском дошли до самого сухого русла, противника не встретили, лишь натолкнулись на пару сожженных хуторов.

До темноты оставалось несколько часов – даже медлительный обоз успел бы добраться до берега. Но Удиго-ар-Виеналь приказал: разбиваем бивак здесь, хорошенько отдыхаем, отсыпаясь, – вполне возможно, что завтра будет бой.

Отдохнуть и отоспаться пулмайстер решил в корчме – ворота наскоро подлатали, во дворе разместили отборную полусотню охраны, на площадку вышки отправили лучников. В общем, о собственной безопасности Удиго позаботился очень тщательно. А подчиненным предоставил устраиваться, как знают.

Обустривалась пула под руководством второго по старшинству офицера – вахтмайстера Друэна, седоусого служаки. Любо-дорого было смотреть, как толково он распоряжается: расставляет секреты и отправляет патрули, указывает, где разбить палатки и как разместить возы – кольцом, на случай нападения. Мое уважение к вахтмайстеру возросло еще больше, когда я увидел, что солдаты по его приказу копают глубокие ямы для костров и окружают их натянутыми на колья полотнищами. Все правильно, ночью ни один вражеский лазутчик не заметит издали место ночлега пулы... А разжигать костры засветло вахтмайстер запретил, и столбы дыма не наведут на нас мятежников.

Оставалось лишь надеяться, что и на поле боя старый рубака распоряжается не менее толково. Но, увы, взять всю ответственность на себя и командовать от имени сайэра пулмайстера Друэн не сможет. Слишком спесив и надменен Удиго-ар-Виеналь, а вахтмайстер, выслужившийся из простых солдат, взирает снизу вверх на своего высокородного командира. И не слишком задумывается над смыслом получаемых приказов... Исполнитель идеальный, но не более того.

Вот и сейчас: приказали ему обустроить лагерь – обустроил, на редкость толково и грамотно. Но тот факт, что последние тридцать лиг пула прошла без глубокой фланговой разведки, вахтмайстера не заботил. Командиру, дескать, виднее. Однако враги, вот беда, зачастую имеют обыкновение появляться вовсе не с той стороны, откуда их поджидают.

Придется принять свои меры, если, конечно, не хочу проснуться от того, что в лагерь ворвется, сминая дозоры, толпа вооруженного мужицья и устроит резню...

И я принял.

* * *

В отличие от королевских конников, нашему отряду копать ямы для костров не пришлось. Магистр Гаэларих не поскупился и прикрыл пространство между поставленными в круг возами вуалью невидимости.

Мэтр Тигар сидел возле своего костра в гордом одиночестве и вновь что-то писал, – на сей раз не на табличке, а на пергаменте, воспользовавшись походным письменным прибором: небольшой складной пюпитр, оловянная чернильница, песочница из того же материала... Покрытые записями восковые таблички лежали рядом, и время от времени мэтр в них заглядывал.

Я решил составить ему компанию, прихватив бурдюк с вином. Очень уж хотелось понять, что из себя представляет странный человечек и что можно ожидать от него в минуту смертельной опасности.

– Разрешите присоединиться?

– Присаживайтесь, майгер Хигарт, присаживайтесь... – Мэтр отложил перо, отодвинул письменный прибор, и сам демонстративно чуть отодвинулся, хотя свободного места рядом с огнем было предостаточно.

– Вина? – Я встряхнул бурдюк.

– Охотно, майгер Хигарт. Вино в умеренных дозах лишь способствует живости мысли и наибольшей точности выражений...

Тигар кивнул на свои отложенные листы. По-моему, он ждал, что необразованный рубака Хигарт сейчас уважительно поинтересуется, какие же именно плоды своей мысли живописует мэтр Тигар в наиболее точных выражениях...

Но я не стал спешить. У вина есть не менее важное свойство: хорошенько развязывать языки. Тем более у этого, заранее подготовленного мною вина, – обычного аккенийского, но щедро сдобренного алхимическим винным зельем. Горчинка, сильный аромат и терпкий привкус, коими столь гордятся аккенийские виноделы, по моим расчетам не должны были позволить мэтру Тигару почувствовать резкий вкус и запах бесцветной алхимической жидкости. Трюк старый, и кто только не пользуется им, от рыночных шлюх до пройдох-купцов, предлагающих своим торговым партнерам промочить глотку в ходе деловых переговоров... Но книжный червь, каковым мэтр выглядел, не может знать толк в подобных уловках.

Я извлек из сумки две чарки, разлил.

– За удачу нашего похода!

– За удачу! – откликнулся мэтр.

Выпил залпом, блаженно зажмурился...

– Доброе вино, майгер Хигарт, очень доброе!

Так и есть, полный простофиля, мечта любого жулика... После комплимента, сделанного мэтром вину, я немедленно разлил по второй. Третья тоже не задержалась...

Осушив четвертую чарку, мэтр Тигар расстегнул пару верхних пуговиц на своем черном камзоле с кожаными нашивками на локтях. Лицо его покраснелось, глаза заблестели сильнее обычного.

Да-а, от алхимиков – даже если они с упорством маньяков ищут философский камень или эликсир жизни – бывает-таки немало пользы. То же винное зелье – всего лишь побочный продукт неудавшейся попытки дистиллировать пресловутый эликсир – однако же весьма полезная вещь... Четыре чарки обычного вина не опьянили бы настолько нашего коротышку. Вот теперь можно попробовать поговорить по душам...

– И что же вы пишите, мэтр? – спросил я напрямую.

– Я пишу великий труд! – Тигар наставительно поднял палец. – Труд, который спустя века прославит и обессмертит мое имя!

Поднятый палец устремился еще выше, заставляя подозревать, что мэтр надеется обрести славу не только среди населяющих Лаар разумных существ, но и промеж обитателей небесных чертогов.

Ну-ну... В «Хмельном гоблине» – не часто, один-два раза в месяц – собирались такие вот истребители пергамента и гусиных перьев. Читали друг другу заумные стихи и косноязыч-

ные драмы, обсуждали, шумно спорили, и каждый был твердо уверен, что лишь происки врагов и завистников не позволяют ему немедленно обрести бессмертие и славу. Пили, однако, не меньше наемников, ремесленников и прочего неграмотного люда, имевшего обыкновение захаживать в трактир. Мэтра Тигара, тем не менее, я ни разу не замечал среди той компании.

– Поэзия? Драма? – обнаружил я знакомство с темой.

– Фи-и-и... – поморщился мэтр. – Легковесные поделки, и подавляющее их большинство через полсотни лет уйдет в никуда. Я пишу Историю! Всеохватывающую и полную картину нашего мира!

Я удивился. По-моему, такая работа требует тишины, спокойствия, а самое главное – наличия под рукой хранилища с огромным количеством свитков: летописей, хроник, мемуаров...

В ответ на мое недоумение мэтр Тигар заявил с великолепным апломбом:

– Вы невежественны, майгер Хигарт, как и подобает человеку вашей профессии. Разве хроника, хоть и называется исторической, дает нам картину мира? Да никогда! Там всего лишь сообщается, что в такой-то год король А. пошел войной на негуса В., но был отбит с большим уроном и от огорчений скончался... И всё! Всё! Вы никогда не узнаете, что люди ели и пили в то время, и чем расплачивались за съеденное и выпитое, и какие сплетни обсуждали в трактирах, и какие наряды носили в то время записные модницы. Даже что король А. умер не от огорчения, а от подсыпанного наследником яда, – не узнаете!

И мэтр Тигар, воодушевляясь все больше и больше (я не забывал время от времени наполнять его чарку), поведал мне суть своей великой идеи. Седая глубина веков, дескать, его не интересует. А вот недавняя и подробная картина нашего мира: каким он был до Катаклизма, – уже через пару поколений станет весьма интересна потомкам, не выдавшим ни морей, ни степей на месте выжженных пустынь.

«Можно и не ждать, пока сменится пара поколений, – подумал я, вспомнив кристалл сайэра епископа. – Даже мне, почти современнику, было весьма-таки интересно...»

Так вот – он, мэтр Тигар, в свое время изрядно путешествовал по торговым делам. И, как многие торговые люди, зачастую встречался по караван-сараям и прирыночным гостиницам с купцами, прибывшими из самых дальних мест, весьма внимательно слушая их рассказы об увиденном. И, коли уж судьба наградила его скромным литературным даром, теперь в любой свободный момент записывает некогда виденное и слышанное, сочиняя очередную главу своего великого труда.

– Пот-т-тому что з-здесь в-вот, – язык мэтра уже изрядно заплетался, когда он вновь пустил в ход указательный палец, постучав им по своей обширной лысине, – з-здесь вот, м-может быть, с-самый... укиналь.. у-уликаль... в-в-в общем, тут самый лучший м-м-мозг в нашем мире, д-да! Я п-по-помню всё! Что мне гов-ворили, всё, что вид-дел...

Звучало складно, невзирая на выпитое. Неясно лишь, зачем епископ навязал мне этого страдающего манией величия коротышку в спутники...

– И какую же грань нашего былого мира живописуете вы сегодня? – поинтересовался я.

– Ох-хоту на м-мохноногов в степ-пях Бр.. Бра...

– Баргайла?

– Д-да...

– Сейчас там отнюдь не степь. И мохноноги не водятся...

– Р-раньше вод-дились, – заверил мэтр, подрагивающей рукой поднося к устам чарку. – Т-твое здор-ровье!

Складно, складно... Вот только я не был уверен, что на листах – вроде бы случайно отложенных так, чтобы попадали в густую тень, отбрасываемую мэтром, – изложены подробности давних охот... Вернее, был почти уверен в обратном, – что присутствует там описание куда более современных событий.

– Ох... – сказал я уважительно. – Всегда завидовал многознающим и грамотным людям... Разрешите взглянуть?

Мэтр Тигар, уж в моей-то безграмотности вполне уверенный, снисходительно кивнул. Когда он понял свою ошибку, было поздно, – рукопись находилась у меня в руках, и читал я ее весьма внимательно.

ОХОТА НА МОХНОНОВ В БАРГАЙЛСКИХ СТЕПЯХ, *отрывок из рукописи мэтра Тигара, прочитанный Хигартом в свете лагерного костра неподалеку от границы мятежного сайэрата Лигонг*

Наружность мохноногов, коих многие также называют крысолюдами, знакома каждому.

Верхняя часть их и в самом деле представляет собой некую извращенную пародию на человека: мордочка, отдаленно напоминающая лицо, густо поросшее щетиной; пятипалые передние лапки с плоскими коготками и торс, покрытый негустой и недлинной шерстью. Нижняя же часть зверьков разительно отличается от верхней, и как раз за нее мохноноги получили свое прозвище. Ржаво-желтая шерсть на мощных задних лапах и на огулке крысолюдов растет настолько густая и длинная, что не позволяет разглядеть ни их коротенький, с палец длиной, хвостик, ни детородные органы.

Среди племен и народов, населяющих степь и предгорные равнины, – то есть места обыкновенного расселения мохноногов, – бытует много легенд о происхождении столь странных существ, несущих в себе искаженные человеческие черты, нелепо смешанные с теми, что более присущи земляным крысам. Я приводить те слухи и домыслы не стану, ибо толкуют они о вещах противоестественных и для любого нормального человека отвратительных, и взамен того перейду к описанию жизни этих созданий.

Живут мохноноги, как известно, в норах, имеющих весьма сложное и протяженное устройство, и чаще всего расположенных невдалеке друг от друга, – так, что на участке площадью в четверть квадратной лиги может располагаться целая «деревня» крысолюдов, населенная сотней-другой обитателей.

Сия большая скученность имеет немалую выгоду для зверьков: они достаточно беспечны, и способны часами дремать на солнышке у своей норы, или, собравшись кучками, обмениваются звуками, отдаленно напоминающими нечленораздельную человеческую речь. Но стоит одному из мохноногов, обладающих весьма изощренным зрением и слухом, заметить признак опасности – будь то зверь, хищная птица либо же человек – он тут же подает громкий сигнал своим особенным, далеко слышным свистом; и оживленное сборище в мгновение ока пустеет, крысолюды стремглав бросаются к своим норам и скрываются из вида, – и тогда неосторожный охотник может часами ждать их возвращения...

Ну что же, доводилось мне читать книги, написанные куда более изящным слогом. Но и мэтр Тигар не покривил душой, объявив о наличии у себя кое-каких литературных способностей... Для бывшего торговца – совсем даже неплохо.

Читая, я одновременно вставляя отдельные реплики в монолог мэтра, все более бессвязный. Никаких секретов, увы, не прозвучало – все те же неумеренные похвалы содержанию собственной черепашки, да обещания грядущей славы.

Вздыхнув, я пропустил пару страниц и продолжил чтение.

Охота на крысолюдов производится многими способами. Нередко туземцы, весьма лакомые до мохноножьего мяса, охотятся на них в одиночку, при помощи лука и стрел. Охота сия нелегкая и малодобычливая: очень трудно подкрасться к становищу зверьков незамеченным, – так, чтобы можно было пустить меткую стрелу и не просто поразить мохнонога, но пригвоздить

его к земляному холмику, имеющемуся у каждого входа в нору, ибо иначе даже смертельно раненый крысолюд может забиться очень глубоко под землю, где и околет без всякой пользы для охотника.

Гораздо чаще насельники степей, собравшись обществом в несколько человек, отыскивают все боковые отнорки какой-то одной норы, и, по одному расположившись возле них в засаде, выкуривают дымом тлеющих растений столь желанных в гастрономическом смысле ее обитателей. На открытом месте мохноноги легко делаются добычей охотников, ибо далеко уступают в скорости бега человеку.

Иногда, чаще всего весной, когда степные ручейки текут полноводными потоками, целое племя туземцев устраивает большую охоту, тайзы-байбаган, как они называют оное предприятие. Соорудив совместными силами запруду, туземцы затапливают водой всё поселение подземных жителей, и истребляют пытающихся спастись зверьков в громадных количествах...

Готов поклясться, что ныне, после Катаклизма, никто уже не охотится на мохноногов столь расточительным способом. Слишком большой ценностью стала на Лааре вода... Несколько уцелевших в Туллене небольших речек, бегущих с горных склонов Страны йордлингов, до пустыни не дотекают, полностью уходят в оросительные системы... Какие уж тут запруды и затопления.

Однако именно эта страница показалась мне сильно потрепанной. Мелькнуло подозрение: а не носит ли мэтр Тигар с собой чужую рукопись, – исключительно для отвода глаз? Потому что слабо верится, что светлейшего епископа Хильдиса Коота способна заинтересовать охота на мохноногов.

Ну что же, проверить недолго... И я взялся за ту страницу, которую мэтр на моих глазах покрывал записями. Бытописатель же «золотого века» Лаара тем временем мял и терзал бурдюк, пытаясь наполнить еще одну чарку...

Есть много способов приготовления мохноножьего мяса. Некоторые жители Баргайла, чтобы изжарить мохнонога, поступают так: выкапывают в земле ямку в локоть глубиной, а в длину и ширину как раз в величину животного. В ямку кладут раскаленные камни, на них слой травы, потом выпотрошенного и опаленного от шерсти мохнонога, на него снова слой травы и снова раскаленные камни. Сверху ямка засыпается землей или горячей золой, и таким образом мясо прожаривается хорошо. Другие же кладут животное совершенно неочищенное, когда же оно изжарится, с него соскабливают запекшуюся шерсть, а внутренности выбрасывают. Но так поступают только туземные гастрономы: они говорят, что изжарившийся последним способом мохноног бывает вкуснее и жирнее. Иные же, чтобы изжарить крысолюда, поступают иначе: очистив животное от внутренностей и шерсти, они из нутра его вынимают очень искусно все кости и вместо них начиняют обезображенный труп мохнонога раскаленными камнями; отверстие проворно зашивают и катают будущее жаркое по траве до тех пор, пока оно не испечется. Вареная мохноножина невкусна, и потому ее большею частью жарят. На вертеле или на рожне ее тоже не готовят, потому что от быстрого и сильного жара выкипает весь жир, им-то и дорожат туземцы.

Дикари-тролли, убив мохнонога, любят есть сырые почки, пока они еще дышат жизненной теплотой, а некоторые едят даже сырую печеньку и селезенку.

Мохноножий жир имеет особое достоинство: он не замерзает в самые сильные холода и до того проницателен в жидком состоянии, что проходит сквозь железные и медные чаши. Туземцы Уорлога обыкновенно держат его в коровьих пузырях и в них же берут на про...

Все правильно, никакого обмана. Именно эту фразу не закончил писать мэтр Тигар, когда я подошел со своим бурдюком...

Помянутый мэтр тем временем пытался остановить свой блуждающий остекленевший взор на мне, и заплетающимся языком спрашивал мнение высокочтимого сайэра о своем скромном творении... Похоже, он был уже не здесь. И обращался к кому-то другому.

– Крайне увлекательно и достоверно написано, – сделал я комплимент.

Но мэтр его не услышал – на полуслове повалился набок и захрапел.

Любопытное совпадение: избежать даже малейшего опьянения мне помогли как раз несколько глотков мохноножьего жира, употребленного перед нашей беседой...

* * *

Послышался свист – знакомый, условный.

Я, как раз размышлявший, стоит ли отнести мэтра в палатку (ночь выдалась весьма теплой), поднялся на ноги, призывно помахал рукой.

Из темноты появился Калрэйн. Я не видел его смутной тени, скользящей между костров, – он просто взял и появился. У него тоже имелись кое-какие знания и умения, редкие среди простых смертных, и весьма помогающие выжить в нашем жестоком мире. Однако приобрел их Калрэйн отнюдь не в Храме, а в секретной, неизвестно где расположенной школе, в которой Койары готовят своих непревзойденных мастеров тайных убийств.

Ну да... Самому стыдно... Знаю, что спасти мир лучше всего с чистой душой и в незапятнанных белых одеждах. И сподвижников подбирать таких же, соответствующих высокой миссии. Я б и подобрал, но на жизненной стезе наемного охранника и кабацкого вышибалы сталкиваешься обычно с людьми совсем иного сорта...

Впрочем, к чести Калрэйна надо сказать, что ремесло свое он оставил несколько лет назад. Почему и при каких обстоятельствах – никто не знал. Судя по тому, что жил он не скрываясь, расставание с койарами прошло достаточно мирно. Что вообще-то странно... В почетную отставку своих ассасинов Орден отпускает крайне редко.

Наемничеством и тому подобными вещами Калрэйн на жизнь не зарабатывал, секретные искусства Ордена Койаров в открытом бою не слишком-то применимы. В последнее время сей достойный молодой человек подвизался на артистическом поприще: демонстрировал на ярмарках трюки по метанию ножей, кинжалов и прочих острых предметов. Не самое доходное занятие, но, насколько я знал, – а чего только не узнаешь из пьяной болтовни посетителей трактира – Калрэйн не ответил согласием ни на одно из многочисленных предложений посодействовать в устранении любовника жены или торгового конкурента.

Однако от приглашения составить мне компанию Калрэйн не уклонился. Числился за ним небольшой должок...

* * *

Он опустился на землю у костра, с наслаждением вытянул ноги. Оглядел похрапывающего мэтра Тигара, потянулся к бурдюку, потряс, разочарованно отложил в сторону. Вдохнул и посмотрел на меня.

Вздыхнув ответно, я отстегнул от пояса и протянул Калрэину флягу. Пил он долго, и возвращенная мне емкость стала куда менее увесистой...

– Коня вконец загнал, – пожаловался Калрэйн, вытирая рукавом губы. – Хороший жеребец был, чистокровный тулленский...

– И?

– Табор за рекой. Лигах в десяти от русла. Мужичье с оружием, женщины, дети... Скотина ихняя там же, пожитки на возах. Со всем хозяйством с места снялись.

– Много их?

– Вооруженных – не больше тысячи. Но там не все... Дальше видел дымы еще в двух местах... Много костров. Думаю, тоже таборы, и не меньше этого.

Обычная история... Двигутся разрозненными толпами, без единого руководства, без какого-либо плана... Хотя изредка во главе стихийных восстаний оказываются полководцы-самородки: в каком-нибудь крестьянине или мелком торговце обнаруживается вдруг талант командира, а если на усмирение послан человек недалекий и заранее уверенный в победе – вроде нашего сайэра пулмайстера – то дело может закончиться плохо... Достаточно вспомнить историю пятилетней давности, когда многочисленная крестьянская армия докатилась до самых стен аккенийской столицы...

Но Удиго-ар-Виеналу крупно повезло. Полторы тысячи хорошо обученных конников рассеют мятежников легко и без особых потерь, невзирая на численное превосходство последних. А если ловко состряпать победную реляцию, то быть нашему Уди оберпулмайстером и кавалером какого-нибудь королевского ордена.

Ну и ладно... Внешние враги оказались не столь опасными, можно вернуться к внутренним проблемам.

– Переночуешь в его палатке, – приказал я Калрэйну, поднимая на руки мэтра Тигара. – Послушай внимательно, вдруг что-то интересное во сне пробормочет.

Среди прочих талантов Калрэйна был такой: умение мгновенно засыпать в любой обстановке, и столь же мгновенно просыпаться от малейшего постороннего звука. Бывший убийца явно не обрадовался новому заданию – наверняка к утру в палатке будет не продохнуть от густых винных паров. Но возражать не стал...

Когда я поднял Тигара на руки, в распахнутом воротах его камзола что-то блеснуло. Вновь осторожно опустив мэтра на траву, я потянул за тонкую серебряную цепочку.

Ну и ну... Интересный амулет носит бытописатель крысолюдов... Возвращая серебряный кружок на место, я внимательно взглянул на Калрэйна. Но, по всему судя, ассасин не понял, что изображено на украшении.

А был там вычеканен – очень тщательно, с соблюдением всех пропорций и с точностью в мельчайших деталях – Знак Даррауда, называемый иногда Печатью Даррауда. Как учит нас Святая Церковь, именно этим знаком Пресветлый Сеггер запечатал узилище предвечных демонов, изгнанных им с небес и ввергнутых в Бездну Хаоса...

Магический артефакт? Но никакой магии в серебряной безделушке я не почувствовал. Впрочем, при моих дилетантских способностях чувствовать чары, я мог и ошибиться. Тайный опознавательный знак? Никогда не слышал о подобных...

Новая загадка... Что-то начинают они меня утомлять.

Глава четвертая. Пламя гасят кровью...

Когда я слышу о «сложностях взаимопонимания между расами» и о «проблеме подземных карликов», мне становится смешно. В отношениях с карликами случается лишь одна проблема и сложность: поблизости нет подходящих деревьев, и приходится осквернять солдатские мечи нечистой кровью.

Одоар Свирепый, коннетабль, I век д. н. Л.

Всякий, кто когда-нибудь видел, как разворачивается имперский легион или королевский полк пеших латников из походного строя в атакующий, тот наверняка согласится со мной: зрелище более чем внушительное. Завораживающее...

Кажется, что на поле передвигаются не отдельные люди, но огромные, металлом поблескивающие существа. Роты пикинеров, мечников, стрелков – каждая движется вроде бы сама по себе, но все вместе в строгом, долгими годами тренировок отработанном порядке. Мерно бьют барабаны, задавая ритм идущим, и земля содрогается, когда на нее единым движением опускаются тысячи ног...

Жаль, что сейчас такое увидишь не часто... В старые добрые времена, до Катаклизма, единая империя во времена своего расцвета могла содержать семнадцать регулярных легионов.

Ныне же лишь два крупнейших ее осколка – Туллен и Аккения – могут позволить себе подобные воинские соединения (королевский полк латников по структуре и численности весьма схож с легионом), и далеко не в прежних количествах. Да и качество не то... Согласно полемому артикулу, численность легиона – без малого семь тысяч бойцов, не считая некомбатантов. Полк латников – пять с половиной тысяч.

Держать такую массу людей в военном лагере, ежедневно занимаясь с ними боевой подготовкой, – непозволительная роскошь в наше время. И отдельные роты мечников, арбалетчиков, лучников (номинально числящиеся в том или ином полку или легионе), разбросаны по гарнизонам и дальним заставам. Какая уж тут отработка боевого взаимодействия...

Тем более удивительным оказалось сообщение разведчиков из передовой сотни: на нас движется *нечто*, весьма напоминающее легион в походном строю. И, заметив королевских конников, рекомое нечто стало разворачиваться в боевой порядок.

Регулярная армия, незнамо как здесь оказавшаяся? Чья?

Разведчики объяснили: да нет, крестьяне... Но строй держат неплохо... Да что там, просто отлично держат строй!

Крестьянский легион?!

Чудеса... Не бывает.

* * *

Мятежники виднелись впереди, вдалеке, – как сплошная темная линия, растянувшаяся по равнине, заросшей пожелтевшей травой. Сзади медленно подкатывали наши возы, – выступила пула поздним утром (Удиго-ар-Виеналь не был любителем ранних подъемов), и не успела далеко уйти от корчмы и сильно опередить обоз. Мятежники же, по всему судя, выступили еще затемно.

– Я хочу увидеть их вблизи! – заявил сайэр пулмайстер, только что закончивший распекать разведчиков. – Сделайте что-нибудь, м-э-этр магистр!

Маг вполголоса отдал приказание двоим своим помощникам, те поскакали к обозу и вскоре вернулись с большим предметом, закутанным в темную ткань. Сдернули – под тканью оказалась большая клетка.

В клетке сидел, нахохлившись, гурх-стервятник, – существо, весьма напоминающее крупную птицу, но клюв ему с успехом заменяла вытянутая пасть, усеянная мелкими острыми зубами. Создание на вид неприятное, но безопасное, на живых не нападает. Зато обладает великолепным зрением, позволяющим издалека и с большой высоты высматривать пададь...

Выпустив тварь на волю, маг раздал нам небольшие прозрачные кристаллики – Удиго, мне, Друэну, еще нескольким офицерам, собравшимся возле пулмайстера.

Получив свой кристалл, я посмотрел на мага с немим вопросом: как-то не верилось, будто он не знает элементарного заклинания, позволяющего продемонстрировать окружающим то, что видит магистр своим магическим зрением.

– У них маг, чувствую отсюда, – тихонько сказал мне Гаэларих, причем всю его былую надменность как ветром сдуло. – И не из слабых... Мне нельзя отвлекаться. Стоит ожидать магической атаки...

Час от часу не легче. Адепт боевой магии среди восставшего мужичья! У меня крепко нехорошее подозрение: стихийный мятеж не такой уж и стихийный. И твари Темной Стороны ох как неспроста не напали на оставшийся без защиты домен мага Ирэгаса.

...Гурх, неторопливо взмахивая широченными крыльями, кругами набирал высоту. Пожалуй, пора... Я приложил к виску кристаллик, тут же прилипнувший, и крепко зажмурился.

Нет, Удиго не стоило распекать своих дозорных. Обстановку они разведали и доложили с максимальной точностью...

Глаза зубастой птички не могли различать цвета, зато отличались изумительной остротой, позволяя разглядеть внизу мельчайшие детали. Но меня, собственно, и не интересовало, какого цвета тряпки пустили восставшие на свои подобию штандартов. Гораздо важнее другое: реяли те штандарты наддвигающимися в идеальном строю ротами.

Оружие, конечно, самое пестрое и разнородное. Например, среди вил, охотничьих рогатин и кос с лезвием, повернутым вперед, на манер совны или осадного ножа, очень редко можно было увидеть настоящую алебарду или пехотную пику. Однако все мятежники с длинным оружием были собраны в отдельные отряды, и прикрыты спереди двумя рядами щитоносцев (большая часть щитов – самодельные, сколоченные из толстых досок, но на некоторых виднелся герб Лигонга, на других – незнакомая мне эмблема, принадлежавшая, очевидно, покойному магу Ирэгасу).

Позади «пикинеров» – тоже дисциплинированно, строем – шагали отряды стрелков. В основном пращники, но одну роту лучников мятежники все же сумели набрать: луки по большей части короткие, охотничьи, но попадались среди них и длинные боевые... Арбалетчики, числом не более полусотни, двигались отдельным небольшим отрядом. Похоже, все захваченные в замке мага и в Каэр-Лигонге запасы оружия пошли в дело.

Небывальщина... Нет, я готов был допустить, что среди мятежников волею случая оказался весьма искушенный в военном деле человек, и сумел возглавить восстание...

Но одно дело отделить пращников от «пикинеров» и собрать их в отдельные роты, а совсем другое – заставить те роты идти строем и в ногу! Невозможно. За три с небольшим недели, прошедшие с начала мятежа, – невозможно.

Численностьдвигающейся на нас армии – назвать ее толпой уже язык не поворачивался – я оценил в восемь или девять тысяч человек. Причем в строю шли не только мужчины, виднелись и женщины, тоже вооруженные косами и вилами, а среди пращников хватало подростков, да и попросту мальчишек. Все уцелевшее население двух доменов шло на нас...

Долго разглядывать строй врага нам не позволили. И понять, где главари мятежа (а самое главное – где затесавшийся среди них маг), я не успел. Увидел вместо земли, покрытой спешащими к нам отрядами, – безоблачное небо. Затем снова землю, уже гораздо ближе. Потом опять небо, потом картинка перед опущенными веками исчезла...

Я открыл глаза, отлепил от виска кристаллик. Остальные делали то же самое. А мэтр магистр застыл в напряженной позе и творил какое-то сложное заклинание: губы беззвучно шевелились, руки выполняли сложные пассы, и в каждой зажат кристалл в форме сильно вытянутой пирамидки, пульсирующий ярким алым светом...

Магическая дуэль началась.

* * *

Сайэр пулмайстер, надо отдать ему должное, сделал самое умное, что мог сделать в такой ситуации. Немедленно собрал импровизированный военный совет, подозвав меня, мага Гаэлариха и вахтмайстера Друэна.

Магистр, однако, не подошел к Удигу, продолжая свои манипуляции. А ни я, ни Друэн ничего толкового присоветовать не могли. С точки зрения классического военного искусства задача не имела решения... По крайней мере, теми средствами, что мы располагали, решить ее не стоило и пытаться...

Легкоконная пула никак не предназначена прорывать пехотный строй. Ее козыри – скорость и маневр, и любой военачальник, понимающий толк в своем деле, использует легкую кавалерию для разведки и для глубоких рейдов по слабо защищенным тылам противника, а на поле боя – для завершающего аккорда битвы, для преследования опрокинутого и бегущего врага...

На строй же латников или легионеров – или даже на такое, как сегодня, его подобие – надо посылать похожий строй, и в жестокой сече решать, чья воля к победе сильнее. Либо проламывать вражеские ряды таранным ударом клина тяжелой кавалерии... Если бы у нас была хоть сотня закованных в броню всадников на закованных в броню тяжеловозах, – уверен, мятежники бы не устояли, все-таки до регулярной армии им далеко. А легкая конница довершила бы разгром... Но чего нет, того нет.

И послать сейчас пулу в лобовую атаку, – значит, бессмысленно уложить ее. Кони быстрые, но ничем не защищенные... Доспехи у солдат легкие, кожаные... Увязнут в схватке в передними рядами, потеряют скорость, – и начнется раздолье для крестьянских вил и кос... И для серпов, подрезающих лошадям поджилки. А пращники обрушат град камней. И лучники не останутся в стороне.

Если же случится так, что, уложив большую часть пулы, мы все же прорвемся, прорубимся, – то обескровленные, израненные всадники тут же столкнутся со свежим врагом. Наступали мятежники в две линии – за пращниками вновь отряды «пикинеров», за ними – вновь стрелки. Первая линия тем временем сомкнет прорванный фронт, развернется, ударит с тыла, и начнется резня окруженной, потерявшей маневр конницы...

– Надо попробовать их на прочность, – только и смог предложить я.

– Выразайтесь яснее, майге-э-эр Хигарт! – заявил Удигу. Апломб в его голосе и тоне уменьшился, но совсем не исчез... Сайэр пулмайстер еще не осознал, насколько серьезно дело.

Зато Друэн понял меня сразу.

– Демонстрация... – сказал он, покусывая седой ус. – Стоять в строю и наступать строем их научили, не знаю уж, кто и как успел... Но могут не выдержать вида скачущей на них конницы. Командуйте атаку, сайэр пулмайстер.

Сайэр пулмайстер скомандовал: расправил плечи, одернул плащ и рывкнул хорошо поставленным командным голосом, отработанным на придворных парадах:

– Горнисты, трубить атаку! Знаменосцы – штандарты по-о-о-од-высь! Ротные командиры – ко мне за приказаниями!

Ну полководец... Ни дать, ни взять – Гиэранц Победоносный с батальной мозаики «Битва при Угорине». Вот только не мешало бы все-таки сначала проинструктировать ротных, а уж потом трубить атаку...

Ладно хоть задачу ротным командирам ставил Друэн: произвести демонстрацию атаки, но в соприкосновение не входить; если мятежники не побегут – обстреливать их из луков с безопасного расстояния...

...Четыре роты разворачивались в атакующий порядок – четко, уверенно, приятно смотреть... Мятежников эти приготовления не смутили, и они продолжали неторопливо приближаться, не ломая строя, выдвинув вперед своих пикинеров. Вернее, если исходить из основного их оружия, – косиньеров. Чтобы хорошенько разглядеть врагов, уже не требовались услуги крылатого разведчика.

Удиго-ар-Виеналь, похоже, уверился, что выбранная тактика непременно принесет успех, и поглядывал он по сторонам с прежней спесью...

У меня такой уверенности не было. И я поспешил к магу Гаэлариху.

* * *

Казалось бы: при том бурном развитии магии, в том числе боевой, что началось после Катаклизма, воинское искусство должно захиреть. А то и вовсе умереть...

Многие маги, по крайней мере, еще несколько лет назад придерживались подобного мнения. К чему, дескать, выводить на поле боя многотысячную толпу вооруженных людей, если одному-единственному магу, обладающему достаточными знаниями и достаточным количеством Небесных Кристаллов, подвластны стихии куда более могучие, чем соединенные силы всех этих тысяч? Для битвы, мол, теперь не нужны полководцы и их полки, нечего им мешаться под ногами у магов, выясняющих, чьи заклинания сильнее. Достаточно небольшого отряда зачарованных чудовищ, чтобы разорвать в куски проигравшего...

И это хорошо, утверждали сторонники магических войн. Человечество Лаара слишком пострадало в Катаклизме, чтобы отрывать от мирных дел столько молодых мужчин, тратить огромные ресурсы на их вооружение, обучение, содержание, – а затем губить без всякой пользы для цивилизации. Сражаться будут маги, а люди – работать, кропотливо восстанавливать Лаар. Под мудрым руководством тех же магов, разумеется.

Гладко выглядело на словах и на пергаменте. А вот на деле... На деле до сих пор победу приносит искусство полководцев, подкрепленное мужеством их солдат.

Всё дело в том, что магические заклинания – штука тонкая, хрупкая. И лучше заниматься ими в спокойной обстановке, и уж тем более без магических помех со стороны. Да, в идеальном случае маг в одиночку может обратить в бегство вражескую армию. Ударит огненным дождем, и вся недолга. Но – только если в составе той армии нет другого, враждебного мага. Ломать всегда легче, чем строить, – и расстроить магическую атаку может маг, на порядок менее изощренный в Искусстве, чем атакующий.

Собственно, к этому вся магическая составляющая сражения и сводится: к распознаванию и разрушению заклинаний соперника. А кто будет победителем, по старинке определяют копейщики и мечники. Либо, если маги схлестнулись в одиночку, без сопровождающего войска, – заранее подготовленные ими магические существа. Страховидлы, как именует их мой приятель Баррах.

Гаэларих трудился вовсю, и давалось это ему нелегко: побледнел, по лицу катились крупные капли пота. И мне оставалось надеяться лишь на то, что в академии и в магистратуре он не был неуспевающим разгильдеем, не предпочитал лекциям и практикумам пивные кружки

и девичьи юбки, – и с неба на нас сейчас не польются огненные струи и не посыплется камни с бочонок размером...

– Где он? – быстро спросил я, когда в трудах мэтра магистра наступил коротенький перерыв.

Он прекрасно понял, о ком я спрашиваю, – о враждебном маге, конечно же.

– Вон тот холм, – столь же быстро показал Гаэларих рукой на возвышенность в полутора лигах от нас, и начал творить новое заклинание.

Понятно... Вот отчего часть мятежников на нас не движется, – несколько отрядов из второй линии остановились как раз возле того холмика. Охрана главарей, и одновременно резерв на тот случай, если бой примет неожиданный для них оборот.

Отчего-то мне все сильнее казалось, что выполнить наказ сайэра епископа и избежать драки нашему отряду сегодня не удастся.

* * *

Демонстрация провалилась... Мятежников не испугал вид скачущей на них конницы, лишь плотнее сомкнулись щиты да заблестели наконечники выставленного вперед оружия. А за спиной косиньеров прашники уже доставали снаряды из сумок и начинали со свистом раскручивать свои орудия.

Вновь протрубили горны, и роты, повинаясь новому сигналу, стали сбавлять аллюр. Лишь один конник, потеряв управление норовистой лошадью, продолжал во весь опор скакать к строю мятежников...

Мы с Друэном во все глаза наблюдали за обреченным солдатом. И за повстанцами. Дрогнули ли хотя бы те несколько из них, на кого прямоком несется взбесившийся конь?

Не дрогнули. Конь дико заржал и поднялся на дыбы, получив удар вилами. И тут же лезвие косы вспоролو ему брюхо. Еще несколько ударов покончили с упавшей лошадью и придавленным ею всадником.

Наши конные роты тем временем остановились, и мгновением спустя в воздухе загудел рой стрел, выпущенных лучниками.

Я прикусил губу. Самый ответственный момент...

Мятежники держались неплохо. Первый ряд щитоносцев опустился на одно колено, упревя щиты в землю. Второй ряд шагнул вперед, поднял щиты, – и вот строй косиньеров прикрывала уже двухъярусная защита. Всё по пехотному артикулу королевской армии, хотя знать сей артикул сиволапому мужичью никак не полагается...

Залп, второй, третий... Хорошо натренированному лучнику надлежит выпускать двенадцать стрел в минуту, и я видел, что даже рекруты-новобранцы пулы не теряли зря времени на стрельбище.

Шестой залп, седьмой, восьмой... Некоторые стрелы находили дорогу к цели сквозь узкие щели между щитами, другие пролетали над самым верхним их краем и тоже поражали мятежников. Настоящие латники в хороших доспехах выдержали бы такой обстрел, но мало кто из восставших был облачен в кирасы и рокантоны, снятые с убитых дружинников сайэра Тируса Лигонга, известного под прозвищем Хозяин Колеса...

И в какой-то момент казалось: победа близка! То там, то тут в строю возникали прорехи, разрывы, вот-вот мятежники не выдержат, не устоят под градом оперенной смерти, свистящей им в лицо, – и побегут, сминая собственных прашников.

Тщетные надежды. Новые бойцы подхватывали щиты, упавшие на землю из рук их раненых сотоварищей, и строй немедленно смыкался, заполняя разрывы.

Хуже того: развернутый фронт пулы был по меньшей мере втрое уже вражеского построения, и фланговые отряды мятежников продолжили движение, слегка изменив его направление, – так, что королевские конники оказались в центре все круче изгибавшейся дуги.

Подходившие с флангов косиньеры перешли на бег, не теряя строя. Пращники за их спинами выходили на дистанцию поражения. Йухабб зей, что же медлят ротные командиры?!

Новый сигнал горнов возвестил ретираду... Конные роты отступили в полном порядке, но все же отступили. Первую схватку мы проиграли. Однако именно она определяла дальнейший ход сражения.

Полный разгром и гибель нам пока не грозили. Все же подавляющее преимущество в скорости оставалось за конницей...

Более того, продолжая прежнюю тактику: обстрел, отступление, снова обстрел, снова отступление, – конная пула могла бы измотать противника и нанести ему изрядные потери. При удаче – могла бы заставить сильно растянуть построения, обойти фланг, вырубить беззащитных прашников...

Могла бы – но не сможет. Нечем. У каждого лучника взят в поход большой колчан, так называемой двойной. Шестдесят стрел. Пять минут непрерывного обстрела. А в обозе должен лежать как минимум еще шестикратный запас, согласно походному артикулу легкой кавалерии...

Но не лежит. Вozy, помимо провианта и фуража, загружены грудами веревок, и колодками, и ножными кандалами, и бичами из шкуры грязеруха, и цепями с ошейниками, и еще столь же полезными и необходимыми на войне предметами... В том числе большой разобранной клеткой – в ней надлежало доставить в столицу главарей мятежа.

Так и хотелось запихать в ту клетку благородного сайэра Удиго-ар-Виеналя, и повесить ему на шею колодку, и хлестать бичом, – зачитывая при этом вслух статьи походного артикула, касающиеся снабжения и обеспечения войск...

Оставалось выбрать между бесславной гибелью и не менее бесславным бегством. Но ни первый, ни второй вариант меня не устраивал... С первым все понятно. А второй... В конце концов, не меня, а Удиго отправили подавлять и умирять. И его, а не меня после неудачи означенного мероприятия вышибут из гвардии и законопатят сотником в дальний гарнизон. А может, и не выгонят, и не законопатят, Хаос знает, каких покровителей и заступников имеет пулмайстер в приближенных к трону кругах.

Но беда в том, что удирать придется, бросив обоз. А в нем, кроме цепей и колодок, три воза, нагруженных имуществом мэтра Гаэлариha. Артефакты, необходимые ему для исполнения на болотах некоего сложного магического ритуала, – без которого, дескать, Навершие Молота никак не обнаружить...

И лучше уж вернуться в трактир вышибалой, чем с позором явиться перед очи епископа, потерпев фиаско в самом начале похода.

...Друэн оправдал мои надежды. Вестовые уже мчались к ротам, а повозки торопливо ставили в круг, плотно, дышло к дышлу. Вернее сказать, выстраивали в форме подковы, – вахтмайстер очень умело использовал оказавшийся поблизости небольшой пригорок, крутой его западный склон можно было использовать как неплохое естественное укрепление.

Распрягать времени не было, и возникшие торопливо рубили построения, отводили здоровенных ломовых лошадей в центр образующегося укрепления. Замысел Друэна я понял мгновенно. Спешить меньшую часть пулы, посадить в вагонбург, – и развязать оставшимся снаряжением руки для маневренных действий. Не ахти какой план, но все-таки лучше, чем ждать, пока мятежники дотопают до обоза.

Не обращая внимания на суету вокруг, я громким свистом собрал весь наш отряд. Даже мэтр Тигар, предпочитавший передвигаться не верхом, а на повозке, примчался смешной подпрыгивающей трусой. Лишь маг Гаэлариh не прекратил своего занятия. Стоял бледный, и я

видел, как алая капля крови показалась из его ноздри и ползла к губе... Но на ногах держался твердо, и сдаваться явно не собирался. Молодец, магистр, пожалуй, я тебя недооценил...

– Придется помахать мечами, парни! – И я несколькими словами объяснил задумку.

В своих был уверен, но внимательно смотрел на бойцов Храма. А ну как они упрутся, ссылаясь на инструкции сайэра епископа? Тогда, чем бы дело ни закончилось, наши пути разойдутся... Однако никто не возразил.

– Останешься здесь, с мэтром Тигаром, – приказал я Зойде. – И чтоб ни волосок!

Йордлинг кивнул, пробурчав себе под нос что-то невразумительное и неприязненное, словно умереть под ударами крестьянских вил и кос было его заветной мечтой с раннего детства, но вот пришел подлец Хигарт и испортил весь праздник.

– Калрэйн! Мэтр маг – твой. И умереть должен только после тебя.

Ассасин молча кивнул. В отличие от Зойды, в открытую рубку он никогда не рвался. А я подскакал к Друэну.

– Майгер вахтмайстер, мне нужна полусотня. Из старых рубак, бывавших за Халланом, – сказал я, отнюдь не уверенный, что Удиго-ар-Виеналь тотчас же не наложит запрет на мою просьбу.

Однако высокородный сайэр наконец-таки проникся серьезностью ситуации. И скромно помалкивал.

Вахтмайстер удивленно взглянул на меня. Я показал на холм.

– Не прорубитесь, – покачал он головой.

– Прорублюсь.

Лицо Друэна страдальчески кривилось, когда он отдавал приказание. Старик хорошо понимал: из его давних боевых товарищей в лучшем случае вернутся немногие... Если вообще хоть кто-то вернется.

* * *

Вновь две роты провели демонстрацию – но теперь не по центру, а на левом фланге. Не жалея оставшихся стрел, открыли стрельбу по надвигавшимся косиньерам.

Мятежники не стали изобретать новую тактику, повторили прежний свой прием: растянули фронт влево, выдвинув вперед отряды второй линии; наступавшие в центре изменили направление, – и всадники снова отступили, оказавшись под угрозой окружения...

Однако между правым флангом и центром повстанцев возник разрыв, неширокий, сотни в две шагов, – и в него-то устремилась галопом наша неполная сотня. Извините, сайэр епископ, я честно старался воздержаться от драки, но так уж оно получилось...

Ветер в лицо, грохот копыт за спиной... Быстрее, быстрее, еще быстрее! Косиньеры бежали к нам во всю прыть, – затянуть, закрыть своими телами разрыв фронта.

Они почти успели, но лишь почти, – три четверти всадников проскочили, ускользнули из захлопывающегося капкана. За спиной остались крики, и ржание коней, и звон столкнувшегося оружия. Мы не оборачивались.

Впереди – отряд пращников, спешащий к месту прорыва. Небольшой, не более сотни человек. Смазка для меча. Они должны были разбежаться, в панике бросая свои сумки, набитые снарядами.

Не разбежались... Самоубийцы.

«Вью-у-у, вью-у-у, вью-у-у!» – со свистом раскручивались пращи, и спустя мгновение камни устремились к цели. Не шаровидные снаряды, одинаковые по размеру и весу, из свинца или обожженной глины, – но неровные голыши, наверняка собранные в высохшем русле Лигонга.

Попасть из пращи, тем более таким примитивным снарядом, в быстро скачущего всадника можно лишь случайно. Кое-кого из наших случай подвел: я услышал за спиной исполненное боли конское ржание и несколько звучных ударов по щитам и шлемам. Времени для второго залпа мы не дали, врубившись на полном скаку в беззащитный строй.

Они не кинулись наутек даже сейчас... Выхватывали ножи, бросались на лошадей, пытались дотянуться до всадников... Грудь моего жеребца опрокинула одного, второго, третьему я отсек руку, сжимавшую кривой нож-засапожник. Один пращник, совсем мальчишка, оказался почему-то без ножа: я увидел, как он ухватился за стремя и попытался запустить зубы в ногу бойца Храма, – но тут же рухнул под копыта с разрубленной пополам головой.

Загнанная в угол крыса, пытающаяся укусить матерого пса-крысолова, – и та имеет больше шансов на победу. Мы почти не сбавили хода, оставив позади зарубленных и растоптанных.

Расстояние между нами и холмом, где расположилась ставка мятежников, сократилось до четверти лиги. Я уже видел группу людей на его плоской вершине. Видел знамя на высоком древке над их головами: трехцветное, бело-черное с широкой багровой каймой по краю...

Убежать, скрыться главари мятежа не пытались. Зачем? Резерв, плотно обступивший возвышенность, наверняка состоит из лучших бойцов. Косиньеры, мечники (хотя мечи у одного из десяти, остальные с топорами и палицами). Лучники собраны здесь же.

Соотношение сил – один к тридцати. Жалкая полусотня против полутора тысяч. Отряды, сквозь строй которых мы прорвались, преследованием не занялись, не подставили тыл конным ротам королевской пулы. Казалось, нам предлагали: хотите унести ноги – уносите. Но если желаете совершить самоубийство – всегда к вашим услугам.

Повинуясь моей команде, полусотня сгрудилась напротив мятежников, за пределами арбалетного выстрела. Я быстро оглядел поле сражения. В районе вагонбурга и на левом фланге драка продолжалась, старый вахтмайстер старался помочь, чем мог, и оттягивал на себя как можно больше врагов. Стрелы, похоже, закончились, и всадники схватились с врагом врукопашную...

А справа сгущался туман, заволакивал поле сражения, на глазах делался непроницаемым для взора. Наверняка магической природы, не случается туманов в этих местах в такие солнечные деньки. Кто его автор – Гаэларих или же противостоящий ему маг – непонятно... Но разбираться времени не было.

– Оставаться на месте! – приказал я. – Атакуют, когда строй будет прорван.

Солдаты Друэна смотрели с недоумением, но те из наших, кто побывал на Серых Пустошах, не удивлялись. Знали, что я имел в виду, и видывали, как это делается...

Я спрыгнул с жеребца. Не глядя, бросил поводья одному из солдат. И пошагал в сторону врагов.

Десять шагов, двадцать... В воздухе свистнула стрела, воткнулась в землю слева, невдалеке. Вторая, третья... Стреляли они, как сапожники.

Затем вялый обстрел прекратился, я заметил в строю какое-то движение. Наверное, решили, что к ним идет поединщик, по старому обычаю решивший предварить бой схваткой один на один, – и намеревались выпустить лучшего бойца. А может, задумали что-то гнусное, взять в плен, например... Мне было все равно. Я шел их убивать.

На ходу расстегнул подбородочный ремень, шлем упал на траву. Еще пара манипуляций с ремнями, и за ним последовала кираса. Бьерсард со свистом описал круг над головой.

По рядам прокатился ропот, слов было не разобрать, но я знал, что за слово говорят мятежники друг другу: «Берсерк... Берсерк...»

Можете звать меня так. Но я ваша смерть. Извините, что одет не по форме, балахон и косу забыл дома...

Виски заломило тягучей болью... Вражеский маг, оставив без внимания Гаэлариха, занялся мной. И очень, наверное, сейчас удивлен, отчего я не падаю, не корчусь... Надеюсь, наш магистр воспользуется удачным для атаки моментом.

Пора!

Они еще смотрели, тупо пялились на то место, где только что неторопливо шел я, – а Бьерсард уже рассек первый щит, пополам, сверху донизу. Второй взмах, слева направо – и наконечники оружия, отсеченные от ратовищ, медленно-медленно начали падать на землю. Вжи-иг! – еще один щит превратился в две половинки.

Затем настала очередь людей...

Я знал, что долго не смогу продолжать в таком темпе: практически невидимый и неуязвимый для противников. Знал, что за эти растянувшиеся, наполненные событиями секунды придется потом расплачиваться долгими часами бессильной усталости... И старался успеть сделать как можно больше.

Вжи-иг! Вжи-иг! Вжи-иг!

Бьерсард метался во все стороны: вправо, влево, вперед, и каждый его взмах убивал очередного врага. Казалось, что я и мой топор – единственные живые в оцепеневшем, застывшем мире. Живые, щедро сеющие смерть.

Пустое пространство вокруг меня ширилось – большая прореха, разъедавшая строй. Тела падали не сразу, валялись медленно, незаметно глазу, приходилось швырять их себе под ноги, чтобы добраться до следующих. И кровь не сразу начинала хлестать из ран неторопливыми тягучими струями, но все-таки начинала... Я шагал по теплым, мягким, податливым трупам, весь забрызганный, залитый чужой кровью, совсем как тогда, на подступах к Тул-Багару...

Это был не бой, не драка, – тупая мясницкая работа. И я ее ненавидел.

* * *

Мир вокруг меня ожил, вышел из оцепенения, когда я врубился в последнюю, шестую шеренгу.

Крестьянин – высокий, худой, с клочковатой неопрятной бородой на изможденном лице – широко распахнул глаза, челюсть изумленно отвисла. Легко понять его потрясение: только что видел перед собой плотно сомкнутые спины сотоварищей, и вдруг, вместо этого, – широкое пустое пространство, заваленное трупами, и залитый кровью человек с огромным сверкающим топором... Так он и умер – изумленным.

Удар, удар, еще удар, – путь свободен. Я отбил трехзубые вилы, брошенные мне в грудь чьей-то рукой, и выскочил за пределы строя. Сзади грохотали копыта – полусотня врывалась в пробитую мною брешь.

Впереди, шагах в двадцати, стояли лучники. Я устремился к ним – уже не стремительной, невидимой глазу молнией, но все равно очень быстро.

Они не успели. Они только-только накладывали на тетивы стрелы, извлеченные из колчанов, когда я подбежал вплотную. И, наконец-то, враг не выдержал! Не знаю уж, чем именно, заклинаниями или магическими артефактами воспользовался маг, превращая мирных обывателей в бесстрашных и стойких солдат (сомнений в том у меня не оставалось). Но действие тех заклинаний или артефактов все же имело свой предел...

Лучники дрогнули. Не бросились под Бьерсард на верную смерть – разбежались во все стороны, теряя оружие. Я не обращал внимания на бегущих. Вперед, вперед, на холм!

За спиной слышались звуки яростной рубки, но времени обернуться не было. Последняя линия обороны – длинная редкая цепочка бойцов с мечами и топорами. Все в доспехах с чужого плеча, рослые, крепкие. В бегство они не обратились, стояли как стояли, крепко сжимая оружие, – но в их напряженных позах мне почудилась глубоко спрятанная неуверенность.

И вновь Бьерсард запел свою кровавую песню: то свист рассеченного воздуха, то звон о сталь, то скрежет о кость... Настоящих мастеров меча или секиры здесь не оказалось, но мятежники набегали со всех сторон, норовили взять в кольцо, задавить числом.

Я вертелся ужом, наносил и отбивал удары, и с тоской понимал, что теряю драгоценные мгновения: сейчас вражеский маг опомнится, и, плюнув на поединок с Гаэларихом, пустит против меня в ход какое-нибудь мощное, на крайний случай прибегаемое заклинание...

Подмога пришла очень вовремя: всадник в форме королевской легкой кавалерии врубился в толпу врагов, теснил их конем, щедро рассыпал удары. За ним подскакал второй – боец Храма с моргенштерном в руке. Третий, четвертый...

Улучив момент, я выскочил из свалки и бросился на вершину холма. Наперерез метнулось нечто огромное, мохнатое, рычащее. Не орк, не тролль, – человек, лохматый, с заросшим лицом, закутанный в шкуры, в руках – огромная дубина, ошетилившаяся клыками каких-то животных. Сверкание лезвия Бьерсарда стало последним, что вблизи увидело звероподобное создание в этом мире.

...Их было четверо, но мага нетрудно было опознать с первого взгляда: высоченная фигура в темно-багровом плаще, лицо прикрыто надраенной и ярко блестящей медной маской.

Остальные трое – люди как люди. Невысокий толстячок в камзоле, когда-то шикарном, но ныне истертом и потрепанном, – причем в своем, сшитом по его бочкообразной фигуре. Чернобородый здоровяк в мужицкой одежде, но в роскошной бархатной полумантии, накинутой на плечи; не менее роскошный эспонтон в его руках – с резным ратовищем и с железком, покрытым золотой насечкой, – выглядел украденным. И еще один человек, без особых примет, с какими-то смазанными, не запоминающимися чертами лица, одетый как обедневший писец или младший приказчик торговца средней руки.

Был там и пятый, но его в расчет принимать не стоило: обнаженная мужская фигура неподвижно распласталась в центре начертанной на земле гексаграммы, в руки, в ноги, в грудь и живот воткнуты небольшие ритуальные кинжалы, – кровь сочится, жив. От стоявшей неподалеку жаровни тянулся странный фиолетовый дым. В стороне валялись несколько истыканных голых трупов.

Маг, склонившийся над гексаграммой, распрямился, отшвырнул в сторону очередной кинжал. Чернобородый зарычал и бросился на меня, нелепо размахивая эспонтоном, – так, словно перед ним была заросшая густой травой поляна, и требовалось ее срочно скосить. Двое других тоже бросились, но наутек.

Бжи-иг! – пропел Бьерсард, и эспонтон выпал из обмякших рук. Взгляд его владельца опустился, недоуменно уставился на длинный, тонкий, идеально ровный разрез, наискосок пересекающий крестьянский кафтан в районе талии. Казалось, пострадала только одежда, но мгновением спустя края разреза густо намокли красным. Судорожное движение – и тело чернобородого развалилось на две части, рухнуло в растущую кровавую лужу, нижняя половинка нелепо скребла ногами, словно пыталась вскочить, убежать, спастись...

Всего этого я не видел. Бросился к магу, торопливо творящему какое-то заклинание. Не атакующее – меднолицый убийца думал сейчас только о бегстве. Над головой его крутилась воронка крохотного смерчка, увеличивалась, темнела, начинала обволакивать тело.

Воздух на моем пути стал тугим, упругим и вязким. Я с трудом протискивался сквозь него, – медленно, слишком медленно, – и понимал: не успею... Смерч обволок почти все тело мага, его фигура колебалась, становилась зыбкой, полупрозрачной.

Я метнул Бьерсард. Казалось, боевой топор пролетел сквозь тело мага без малейшего сопротивления. Дикий вой, яркая вспышка, – и всё закончилось. Не стало мага. Исчезла воронка смерча. Воздух не препятствовал движениям, но сил двигаться уже не осталось...

Движением столетнего старца я нагнулся за топором. Какой-то ущерб исчезающему магу Бьерсард все же нанес – на лезвии шипело и пузырилось пятно непонятной жидкости. Обыч-

ная кровь никогда не прилипала к зачарованной стали – но если эта, похожая на кислоту субстанция заменяла меднолицему кровь, то был он кем угодно, только не человеком.

Обтерев лезвие о траву, я перерубил жердь, служившую флагштоком мятежникам. Скомкал знамя и швырнул в пламя жаровни. И, словно в ответ на мое действие, вдали послышался серебряный голос боевых горнов, протрубивших знакомый сигнал: «Преследуй, руби, пощады не давай!»

Битва при Лигонге заканчивалась...

Глава пятая. Тяжкая женская доля

Уже самый вид женской фигуры показывает, что она не предназначена для слишком большого труда ни духовного, ни телесного.

Женщина не создана для высших страданий, радостей и могущественного проявления сил; жизнь ее должна протекать спокойнее, незначительнее и мягче, чем жизнь мужчины, не делаясь в сущности от этого счастливее или несчастнее.

Ал Бахгауэр, философ, IV век д. н. Л.

Вольный имперский город Альхенгард был гнусной, противной и позабытой богами дырой. И зловонной, вдобавок... Некогда, в старые добрые времена, помои, выплеснутые из окон вольными имперскими горожанами, стекали в тянущиеся вдоль улиц канавы и смывались дождями в протекавшую мимо города речку... Ныне по иссохшему руслу не протекало ничего, да и дожди случались раз в три года. И вольный дух вольного города весьма-таки тревожил обоняние непривычных путешественников. Горожане, притерпевшись, не замечали...

Трактир «Щит Одоара», расположенный в центре пресловутого вольного города, неподалеку от ратушной площади, был гнусным, противным и позабытым богами заведением. И тоже зловонным. Возможно, трактирщик полагал, что доносящийся из кухни аромат лука, жарящегося на прогоркшем жире, возбудит у посетителей голод и жажду... У моего желудка он вызывал прямо противоположные стремления...

Пиво, что продавали в рекомом трактире, было гнусным, противным... Впрочем, кажется, я начинаю повторяться. Но пойло, которое мне подали здесь в выщербленной глиняной кружке, пиво напоминало немногим... В основном тем, что тоже было жидким.

Тяжело вздохнув, я рискнул сделать глоток. Худшие опасения подтвердились... Конечно, вода стала большой ценностью в нашем мире... Но сей факт никоим образом не оправдывает пивоваров, заменяющих ее ослиной мочой в процессе производства. И трактирщиков, торгующих получившимся продуктом.

Отставив кружку, я поймал за рукав пробежавшего мимо толстячка с подносом, уставленным новыми порциями гнусного напитка.

– Э-э-э? – не слишком вразумительно поинтересовался толстячок моими претензиями.

– Вы работаете в доле с аптекарем? – произнес я задумчиво. – Или сразу уж с гробовщиком?

Отравитель побагровел, набрал полную грудь воздуха, готовый вступить за честь альхенгардских пивоварен и «Щита Одоара», и... И не сказал ничего. Устыдился, должно быть.

Чуть помедлив, я разжал пальцы, сомкнутые на его локте. Толстячок устремился в сторону кухни, дребезжа своими кружками. Левая его рука свисала плетью.

Спустя недолгое время передо мной стоял глиняный кувшин и относительно чистая чарка. Я налил, сделал глоток, покатал во рту напиток.

Да, это действительно было неплохое молодое вино. Я благосклонно кивнул и толстяк перестал мелко дрожать. И снова исчез.

Та-а-ак. Мир становился хоть чуточку, но лучше.

* * *

...Я бы с удовольствием обошел Альхенгард стороной. Но после злополучного сражения у высохшего русла Лигонга из нашего отряда остались в живых семь человек... Причем трое

уцелевших бойцов Храма получили такие ранения в схватке у ставки мятежников, что путь продолжать не могли.

В строю остались четверо: я сам, маг Гаэларих, Калрэйн... И мэтр Тигар, историк золотого века Лаара.

Погиб Зойда – когда мятежники все же ворвались в наше импровизированное укрепление и начали беспощадную резню. Погибли Сулгрин, Йонас, Ройде и остальные парни, ходившие со мной к Тул-Багару... Маг Гаэларих лишился обоих своих помощников... И для старого вахтмайстера Друэна этот поход стал последним – не разминулся с шальной стрелой...

Продолжать наше путешествие в столь поредевшем составе не стоило и думать, – вчетвером мы едва могли управиться с громоздкими фургонами мэтра магистра, не говоря уже о том, чтобы отбиться от возможного нападения.

Сайэр пулмайстер Удиго-ар-Виеналь, как выяснилось, чувством благодарности не отличался. И наотрез отказался передать под мою команду хотя бы десяток всадников. У вас, дескать, свой приказ, у меня свой, приятно было познакомиться, майге-э-э-эр Хигарт, надеюсь, что больше не встретимся. Стоило ли губить отборных бойцов, чтобы спасти задницу этого надутого спесью индюка?

Расставшись с поредевшей пулой (в строю осталось чуть больше половины королевских конников), мы с трудом добрались до Альхенгарда.

Здесь предстояло пополнить припасы, прикупить кое-какое снаряжение, да и коней поменять очень бы неплохо.

А самое главное – необходимо найти и нанять людей, готовых за деньги рискнуть жизнью и здоровьем. По слухам, публика этого сорта собиралась именно в «Щите Одоара». В общем-то, логично, – тем, кто регулярно потребляет здешнее пиво, и здоровье, и сама жизнь не слишком-то дороги...

Однако слухи на то и слухи – часто лгут. Никто из посетителей «Щита» не привлек моего внимания в качестве возможного кандидата.

В темном углу кучка оборванцев азартно гремела стаканчиком с костями. Судя по всему, большее, на что они способны – срезать кошелек у зазевавшегося купца, если того не сопровождает пара телохранителей с дубинками.

Прочие мрачные личности, сосредоточенно сидевшие над своими кружками, тоже особых надежд не внушали. Без сомнения, кое у кого из них числились на счету весьма рискованные предприятия, и трупы за спиной наверняка оставались, – но всего лишь в здешних неосвященных переулочках и тупичках, куда не заглядывает городская стража...

Можно было лишь вздохнуть об уютном, чисто подметенном зале «Хмельного гоблина», где имели обыкновение коротать вечера ландскнехты, поджидавшие вербовщиков, наемники с закончившимися контрактами и прочие им подобные господа. Да и пиво там, опять же, заслуживало так называться...

Однако я не спешил покинуть не оправдавшее надежд заведение. Имелась одна проблема, которую мне очень бы хотелось обдумать без помех, в одиночестве, тишине и спокойствии... Почти в тишине и спокойствии – драка, вспыхнувшая между игроками в кости, не в счет.

Проблема касалась все того же злосчастного боя при Лигонге... Вернее, той роли, которую сыграл в бою мэтр Тигар.

Бывшему торговцу и нынешнему летописцу Лаара полагалось забиться под повозку и молиться всем богам, каких он только знал, – когда подошедшие под прикрытием магического тумана свежие отряды мятежников устремились на штурм вагонбурга.

Не забился. Наоборот, дрался наравне со всеми. И, по словам Калрэйна, кривым кавалеристским клинком орудовал так, что любо-дорого посмотреть... А в том, что касается оружия и умения владеть им, на слова Калрэйна полагаться можно смело.

Не спорю, среди купцов и их приказчиков, ведущих торговлю с местами дикими и опасными, зачастую встречаются люди, отлично знающие, с какого конца братья за меч. Тигар таким не казался, но любое мнение может быть ошибочным...

Допустим, в своей далекой юности мэтр Тигар научился недурственно махать клинком, и не растерял умений. Но дальнейших его действий сей факт никоим образом не объясняет.

Когда старому вахтмайстеру Друэну стрела пробила навывлет голову, Тигар... взял командование на себя! И командовал весьма умело и эффективно!

К тому времени главари мятежа были мертвы или разбежались, меднолицый маг тоже покинул поле битвы, но их подчиненные продолжали выполнять последние полученные распоряжения. И вполне могли превратить нашу победу в поражение, – высокородный сайэр Удигар-Виеналь отдать сколько-нибудь толковый приказ оказался не в состоянии. Использовать успех, за который я заплатил жизнями своих ребят у ставки мятежников, оказалось некому...

Тигар же прекратил оборонять возы, посадил всех уцелевших защитников вагонбурга в седла (в том числе Калрэйна и магистра Гаэлариша; причем маг, завершивший свою магическую дуэль, так обессилел, что пришлось его с двух сторон придерживать в седле).

Затем странный писатель вывел всадников в поле, соединился с потрепанными ротами, продолжавшими бой, стремительным обходным маневром зашел в тыл мятежникам, – пула прокатилась смертоносной лавой, вырубая пращников и лучников, затем ударила в спину коси-ньерам, – и те, оставшись без руководства и без стрелковой поддержки, быстро превратились из умелых бойцов в толпу мужичья, охваченную паникой...

Все, как в учебнике. Грамотные действия отлично подготовленного кавалерийского командира. Но мэтр Тигар?! Достаточно вспомнить, как он сидит на своем сонном коньке – нелепый, весь какой-то обмякший и, одновременно, угловатый... Испуганно вздрагивает, когда лошадь дергается от укуса овода...

И вот ЭТОГО человека послушались старые рубаки перед лицом грозящей гибели?!

Послушались. Невероятно, но факт.

Впрочем, когда королевские конники галопом подлетели к холму, где жалкие остатки прорвавшегося отряда отбивались от последнего отчаянного натиска мятежников, скакавшего впереди мэтра Тигара было не узнать... Ничем не напоминал взгромоздившуюся на забор собаку. Скорее стал похож на черную хищную птицу, настигающую добычу. На коне держался так, словно если и не родился в седле, то уж точно сел в него раньше, чем научился ходить... Приказы отдавал самым что ни на есть «командирским» голосом, отнюдь не похожим на обычное бормотание... Взгляд цепко оглядывал поле боя, не упуская ни одной мелочи; казалось, даже глаза стали другими – колючими, похожими на прозрачные ледяные кристаллы...

...Кувшин постепенно пустел, но ясности в моих раздумьях не добавлялось. Понятно лишь одно: епископ и в самом деле имел веские основания включить Тигара в состав экспедиции за Молотом.

И беречь мэтра надлежит, снова прав сайэр епископ, как зеницу ока.

* * *

– Вы – Хигарт? – вопросительных ноток в голосе высокой брюнетки, опустившейся на табурет напротив меня, было прискорбно мало.

Я окинул деву взглядом ленивым и совершенно незаинтересованным, во всяком случае, мне хотелось, чтобы именно таким он казался. Хотя на самом деле наблюдал за ней крайне внимательно – с того самого момента, как девушка переступила порог «Щита Одоара».

Всем известно, какого сорта женщины шляются в одиночестве по таким вот злачным местечкам. Однако вошедшая никоим образом не походила на трактирную шлюху: через плечо перекинута перевязь с ножами, из-за спины видна рукоять легкой сабли.

Воительница...

Но не просто воительница... Я не мог разглядеть, что за украшение свисает с шеи девушки, тонкая цепочка исчезала под одеждой. Однако не сомневался – висит там медальон Гильдии наемников. Дело в том, что в вольном городе Альхенгарде действуют весьма суровые установления, касающиеся ношения холодного оружия. Выйти из дому с оружием длиннее четырех аккенийских шасов – значит почти наверняка провести ночь в городской катажке. Если, конечно, не принадлежишь к благородному сословию владельцев сайэров, или не носишь форму императорской армии, или, на худой конец, – здешней городской стражи. Я законы не нарушаю... ну... почти всегда... без веских причин, по крайней мере. И лезвие висевшего на моем поясе ронделя¹ составляло три с половиной шаса.

Единственное исключение советники городского магистрата сделали для дубинок – да и то при условии, что их ударная часть не имеет металлических, костяных или каменных деталей. И для Гильдии наемников – ее члены могут ходить с длинными клинками.

Обычно воительницы предпочитают стричься коротко, по-мужски. У этой же волосы оказались заплетены в тугую косу и уложены спиралью. Однако держалась прическа на острых костяных заколках, торчащих во все стороны, – и попытка ухватить деву за волосы могла закончиться плачевно. На конце косы – тяжелый стальной грузик в форме наконечника стрелы. С остро заточенными краями, кстати. Слышали, слышали мы о таких штуках, правда, применяют их мастера боя, живущие куда южнее...

Я и сам собирался завести разговор с девушкой – но она меня опередила, да еще и назвала по имени. С чего бы? Никаких давних знакомств в вольном городе я не имел, да и новых завести не успел...

Лицо воительницы казалось незнакомым... Спокойные карие глаза, густые черные брови, кстати, не выщипанные; над левой бровью небольшой шрам, совершенно не портивший привлекательности скуластого лица.

Наряд вполне под стать облику. Неброская рубашка из мягкой плотной ткани, поверх нее потертый жилет из стеганной кожи, так называемая бригантина, — любимый одежда людей, чей образ жизни связан с постоянным риском: наемников, бандитов и прочих романтиков с большой дороги, а также любовников, опасаящихся мести ревнивых мужей. Стальные пластинки, вложенные между слоями простеганной кожи, способны выдержать несильный рубящий удар, да и от стрелы спасут, если она не выпущена в упор. Однако бригантина не настолько стесняет движения, как тяжелый кованый доспех, а при нужде носится под камзолом и плащом достаточно незаметно.

Пауза после вопроса девушки затягивалась.

– Вы, собственно, кто? – сдержанно спросил я, не спеша подтвердить: да, мол, я и есть тот самый Хигарт.

– Хлада. – Голос низкий, спокойный.

– Просто Хлада? – я многозначительно поднял бровь.

– Хлада Сельми. Сестра сержанта Йоса Сельми. Помните такого?

Я откинулся на спинку стула и еще раз всмотрелся в скуластое лицо.

Пожалуй, в лице девицы, сидящей напротив, действительно просматривалось некое сходство с непроницаемой задубелой физиономией сержанта Сельми...

– Да, я Хигарт... – пришлось подтвердить мне. – И как поживает Йос? Он, кстати, мне ничего не рассказывал о вас.

– Йос умер. Недавно. Болотная чума, – коротко бросила Хлада. – А почему не рассказывал... – тут она пожала плечами, – разве он вообще много болтал? Хотя о вас как раз говорил охотно.

¹ Рондель – в данном контексте узкий кинжал с головкой и гардой в форме дисков.

Сестра она или нет, но кое-что о сержанте и в самом деле знала. Йос был редкостным молчуном, предпочитавшим объясняться языком жестов и односложными междометиями.

– Да и с родителями я жила не слишком долго, – продолжала девушка. – А Йос, сколько себя помню, всё воевал... Дома ой как редко появлялся. Когда после Халланского похода на побывку приехал, куклу мне привез в подарок... Смешно – я как раз тогда в Гильдию экзамен держала. Меня ведь с малолетства отец к оружию приучать начал... Говорил, что коли уж боги сыновей не посылают, так он и из девчонок воинов сделает.

– Не посылают? А Йос?

– Он мне единокровный, от первой жены отца. А у мамы семь детей – и все девочки.

– И все стали воительницами?

– Три старших стали... Про младших не знаю, давненько весточек из дома не получала. Про Йоса недавно узнала, случайно... Ведь как экзамен сдала, сразу завербовалась, с тех пор вот и болтаюсь по свету, то тут, то там зарабатываю...

Я слушал Хладу и верил ей все больше. Голос, интонации, то, как она строила фразы... Нет, ни малейшей фальши не ощущалось. Либо передо мной сидела гениальная актриса и рассказывала давно заготовленную и тщательно проработанную легенду...

Святые отцы учат, что каждый человек носит в своей душе семь личных демонов: ревности, подозрительности, упрямства и так далее... Обычно они дремлют, но если уж проснутся, то не дадут покоя хозяину. Мой демон подозрительности явно страдал сегодня бессонницей.

«Кыш! – мысленно прикрикнул я на него. – Какие еще заготовленные легенды? Кто мог загодя знать, что наш отряд понесет такие большие потери и окажется в Альхенгарде?»

Но демон попался упорный. И ехидно заявил: «Кое-кто мог... Тот, например, кто натравил на нас мятежников...»

* * *

– А как ты меня узнала? – поинтересовался я. Как-то незаметно мы с Хладой перешли на «ты».

– Йос много рассказывал... Да и от караванщиков слыхала о тебе и твоём топоре... А сегодня на конском рынке слух прошел: дескать, Хигарт здесь, его люди лошадей покупают. Пошла искать и нашла.

Та-а-к... На рынок был командирован мэтр Тигар в сопровождении Калрэйна. Но ассасин привык держать язык за зубами, и гадать, кто стал источником слухов, не приходится... Не привлекающий внимания отряд, говорите? Ну-ну...

Принесли кувшин вина, заказанный Хладой. Она совершенно естественным движением потянулась к нему, и, когда наши лица сблизились, негромко проговорила, почти не шевеля губами:

– За тобой следят. Вон тот щербатый хмырь.

– Сам вижу, – ответил я тем же манером.

И в самом деле, некий гражданин вольного города – тщедушный, с нездоровой кожей, нелицеприятно названный Хладой «щербатым хмырем», – регулярно и с интересом на меня поглядывал, причем явно старался делать это незаметно. Если я хоть что-то понимаю в кабаках и в их посетителях, то он наверняка приглядывался: а не переберет ли чужак лишку, чтобы можно было без особого риска облегчить его карманы? Но не исключено, что этот тщедушный шакал лишь высматривает дичь для более опасных хищников...

В любом случае, засиживаться в «Щите Одоара» до самого закрытия не стоило.

– Ты сейчас чем занимаешься? – спросил я девушку, допивая вино.

– Ничем, – пожалала она плечами. – Охраняла караван с рабами для Лигонга, но он здесь застрял, не пойдет дальше... Вчера получила расчет.

Понятно... Невольники владельческому сайэру Тирусу Лигонгу, прозванному Хозяином Колеса, если и потребуются, то очень не скоро. Видели мы недавно его знаменитое колесо – опрокинутое и разрушенное, частично сторевшее. Дело в том, что сайэр Тирус принципиально не пользовался магическими способами получения воды для своего домена. Вместо них он использовал громадный механический насос, приводимый в движение тем самым колесом – высоченным, видным за много лиг. А колесо вертели рабы, убегая по его внутренней поверхности от огня, лижущего им пятки. Долго на такой работе бедолаги не выдерживали, и работоторговцы всегда были желанными гостями в Лигонге... Наверняка мятеж здорово подпортит им коммерцию, и в вольном городе Альхенгарде невольники в ближайшее время будут стоять весьма дешево...

– Остальных наемников тоже рассчитали? – заинтересованно спросил я. – Мне нужна охрана для небольшого каравана в Уорлог.

Кому-то изрядный убыток, а у меня появился неплохой шанс нанять уже сработавшуюся спаянную команду бойцов.

Но Хлада разочаровала.

– Они... – сестричка бравого сержанта несколько замялась, впервые с начала нашего разговора. – Они... в общем... нашли другую работу.

И это понятно... Самому приходилось пару раз заниматься «другой работой»... Большой войны давно не было, и упал спрос на услуги людей, предлагающих за деньги свой меч. Да и местные торговцы стараются обходиться минимумом охранников – в последнее время императорская армия хорошенько прищемила хвост шайкам, промышляющим на караванных тропах. Для Гильдии настали нелегкие времена, и некоторые ее члены, припрятав подальше гильдейские медальоны, ищут счастье на большой дороге... Что будет дальше, ясно: вскоре в окрестностях Альхенгарда произойдет несколько дерзких нападений в исполнении профессионалов, и купцы вновь почувствуют большую нужду в охранниках.

Спрашивать, отчего Хлада не присоединилась к товарищам, я не стал. Вместо того поинтересовался:

– Сколько берешь за день пути?

Она ответила, я поперхнулся. Хлада сладко улыбнулась и уточнила:

– Это за охрану обычного каравана, идущего по населенным местам. Стоянки в торговых городах – в половинном размере. А в таких краях, как восточный Уорлог, плата удваивается. Плюс компенсации за ранения, увечья и смерть. Ну, ты и сам наверняка знаешь стандартные условия Гильдии.

Я знал. Гильдия получает в качестве отчислений четверть заработка своих членов и весьма ревностно следит за исполнением контрактов. Хозяин, не выплативший компенсацию семье или наследникам своего убитого наемника, рискует многим: у купца торговые путешествия станут куда более опасными, да и владельческий сайэр в своем замке не сможет спать спокойно...

– Жизнь дорожает... – вздохнула Хлада. – Ох и тяжело же одинокой женщине заработать себе на пропитание, на кров над головой и на спокойную старость...

Экономить золото сайэра Хильдиса смысла нет. Однако покупал я kota в мешке, точнее говоря – кошку... И за этикие-то деньги хотелось бы знать, насколько длинные и острые у нее когти.

– Владею ножом, кинжалом, длинными клинками, – сказала Хлада, видя мои сомнения. – Боевым цепом. Алебардой, совной, гвизардой и тому подобным оружием. Из лука... – она сделала короткую паузу, – ...стреляю.

Слово «владею» в устах члена Гильдии значит: «владею в совершенстве». Потому что здешние городские стражники своими алебардами тоже владеют – таскают на плече и ставят к стене в караулке...

– Стреляешь, и?.. – уточнил я.

– Птицу на лету не собью и в монету с тридцати шагов не попаду. Но по плотному строю двенадцать стрел в минуту сделаю... Умею драться без оружия. Умею использовать подручные предметы. И... – тут она вновь замялась, – ну... в общем... женские дни переношу нормально. Остаюсь в строю и в седле.

– Ты нанята. С испытательным сроком. Задаток получишь на постоялом дворе, за семь дней пути. В Вальгеро, если всё меня устроит, подписываем контракт и заверяем в Гильдии. Согласна?

Хлада кивнула.

– Тогда пошли отсюда.

– Сейчас, только расплачусь...

Девушка встала, подошла к стойке, с маху шлепнула на нее увесистый кошель. Как он звякнул, слышали, по-моему, все посетители «Щита». Не менее шумно Хлада позвенела монетами, выбирая нужную, и протянула трактирщику не серебро, – полновесный золотой содар. От сдачи не стала отказываться, но и без того нужное впечатление было достигнуто.

Хлада сделала все преднамеренно, ставлю годовой доход «Хмельного гоблина» против кружки здешнего как бы пива. Наемники вообще не пользуются такими здоровенными кошельками, распахивают золотые монеты в многочисленные ячейки своих бригаantin – попробуй-ка укради, да и лишняя защита...

Я оглянулся на «щербатого хмыря» – как, интересно, он отреагирует на увиденное и услышанное?

Но хмырь уже исчез из-за своего столика.

Глава шестая. Тихий вечер в глухой провинции

Унылая здешняя жизнь приводит в ужас и тоску любого столичного гуляку, очутившегося волею обстоятельств в провинции. В предписанный, весьма ранний вечерний час гасятся все огни и запираются все двери, – и бедолаге остается лишь с грустью вспоминать ярко освещенные улицы столицы, до самого утра полнящиеся всякоразными соблазнами и удовольствиями...

Тигар Вагидо, «Бытописание стран и народов Лаара»

Мы вышли в ночь, полную серого скользкого тумана. Дверь глухо стукнула, отрезая нас от теплого желтоватого нутра трактира.

Я слегка поежился и двинулся по скудно освещенной улице, тусклые масляные фонари здесь висели через два дома на третьем, и в своей борьбе с туманной мглой казались близки к полному поражению... Хлада шла чуть сзади и левее – грамотно взяв на себя роль телохранителя.

Туман странно искажал звуки, делал их глухими и неопределенными. Однако я сразу понял, что шорох – тихий, на пределе слышимости, – не эхо наших шагов. Стоило ожидать...

Я остановился, делая вид, что вожусь с застежкой сапога, а на самом деле проверяя нож-засапожник. Шепнул поравнявшейся со мной Хладе:

– Кто-то за нами топает.

– Слышу, – негромко ответила она, тоже останавливаясь. И поправила на поясе ножны с длинным кинжалом.

Кто бы ни крался сзади, подойти и показаться он не спешил. Остановился, замер, выжидая чего-то... Рыскать по темным подворотням, пытаться обнаружить преследователя, не имело смысла, наверняка он прекрасно знает все здешние ходы-выходы... Мы пошагали дальше. Еле слышимый шум за спиной немедленно возобновился.

Ну и что теперь?

Долго ждать ответа на сей риторический вопрос не пришлось. Впереди из тумана показалась фигура, закутанная в длинный, до пят, драный плащ. Шагал плащеносец расслабленной, чуть покачивающейся походкой. Не то был пьян, не то изображал пьяного.

Сошлись мы с ним в блеклом пятне света от очередного фонаря.

– Добрый вечер, почтеннейший сэйр и благородная сэйра! – сердечно приветствовал нас обладатель драного плаща и немедленно перешел к делу: – Не соблагоизволите ли вы оказать посильное вспомоществование усталому труженику и снабдить его финансовыми средствами, насущно потребными для приобретения животворной и веселящей душу влаги?

Эк витиевато и аристократично изложил, я прямо-таки заслушался. Сзади фыркнула Хлада. Похоже, столь изящный эквивалент сакраментальной фразы «Подайте на пропитание!» не произвел на наемницу никакого впечатления.

– Всенепременнейше соблагоизволим, почтеннейший! – откликнулся я. – Ловите и испейте животворной влаги за наше здоровье!

Оловянная гойза – самая мелкая из здешней разменной монеты – мелькнула в тусклом свете фонаря и глухо стукнулась о брусчатку. Никаких попыток поймать ее или поднять усталый труженик не предпринял. Руки его остались скрыты под плащом.

– О, сколь ничтожно и оскорбительно сие подношение! – возопил он с фальшивым возмущением. – И я расцениваю его именно так – как оскорбление, требующее немедленной сатисфакции и компенсации! В размере всей вашей наличествующей монеты, имеющей хождение в богоспасаемой Аккенйской империи и в сопредельных странах, а также вашей бригаантины,

благороднейшая сэйра, и того украшения, кое имеет незаслуженную честь отягощать вашу шейку!

Утомил, златоуст... Нет чтобы сказать проще: «Кошелек или жизнь!»

Из недр дырявого плаща появился раскладной нож, заранее приведенный в рабочее состояние.

Даже не смешно... Лезвие хоть и внушительное, но значительно уступает ронделю, вполне открыто висящему на моем поясе. И саблю наемницы трудно не разглядеть, даже в таком тумане.

– Выдай ему компенсацию, – приказал я девушке. – И сатисфакцию. Недели этак на три постельного режима.

Сабля Хлады и ее кинжал покинули ножны одновременными движениями. Оборванец торопливо шагнул назад. Причину его наглости угадать было не трудно, и догадка мгновенно подтвердилась, – с боков на нас надвинулись еще две фигуры. Четвертый, кравшийся сзади, тоже подошел и оказался в круге неверного света.

Ну и какие же козыри нам предъявят при новом раскладе?

– Руссель, почтеннейший, неужели эти господа повели себя невежливо? – спросил один из вновь прибывших, поигрывая квилоном². На гарде его оружия имелись захваты, способные удержать и даже переломить клинок легкого меча или сабли.

– Да, вы представляете, почтеннейший Шихар: пришлые незнакомцы позволяют себе оскорблять лучших граждан города! – уязвленно произнес тот, кого называли Русселем. Его вторая рука тоже показалась из-под плаща и сжимала дубинку, – вопреки всем установлениям здешнего магистрата украшенную стальными остриями весьма неприятного вида.

Двое других не вмешивались в беседу лучших граждан. Наверное, не обладали образованием и воспитанием, позволяющими поддерживать ее на должном уровне. Зато один из них владел орудием, именуемым аккенийцами «ночным бичом», – тонкой, но прочной цепью в четыре с половиной локтя длиной, на концах которой крепились два увесистых шипастых шара. В умелых руках – страшная штука. А данные конкретные руки, сомнений нет, были весьма умелыми. Один шар вращался на коротком отрезке цепи, раскручиваясь все быстрее. Второй свисал, почти касаясь мостовой, – но я знал, что он способен в любой момент устремиться вперед, обвить цепью клинок, вырвать из рук...

А вот четвертый никакого оружия не держал, по крайней мере на виду. И это мне совершенно не понравилось...

– Положите вашу сабелку под ноги, благороднейшая сэйра, – дружески посоветовал Руссель. – И соблагодизвольте присовокупить к ней кошелек, бригантину, и то украшение, кое...

– Цацку сымай, шалава! – владелец бича сиплым рыком перебил изысканную речь коллеги. Не иначе как был по горло сыт его красноречием.

Хлада ответила не словами – действием. Ее сабля метнулась вперед – Шихар квилоном отбил удар и попытался поймать клинок захватом, однако не сумел. Сиплый владелец бича пустил в ход свое орудие, но девушка изящным пируэтом разминулась с шипастым шаром, со свистом рассекшим воздух.

Я тем временем увернулся от дубинки Русселя, твердо решив ограничиться пассивным участием в драке. Коли уж Хлада намеренно спровоцировала ситуацию, не стоит мешать ей продемонстрировать, на что способна.

Однако не сложилось. Четвертый, скромно и незаметно державшийся позади, вскинул к губам небольшую, в пару ладоней длиной, трубку. Зарядом могло служить что угодно: отравленный шип, или порция дурманящего порошка, или шарик с магическим действием... Проверять рискованно.

² Квилон – большой кинжал, напоминающий по форме уменьшенный меч.

Я рисковать не стал и прыгнул вперед. Четвертый как раз набрал полную грудь воздуха, но выдохнуть уже не смог, – горло стиснула моя пятерня. Выбитая трубка улетела куда-то в темноту.

– Эти трое – твои! – крикнул я Хладе. Не слишком громко крикнул, а то набегут стражники, и на постоянный двор мы попадем не скоро.

Она не отозвалась, лишь сталь звенела о сталь.

Не ослабляя хватки, я поднял бандита повыше, прижал к стене дома. Он побагровел, пытался одной рукой разжать мои пальцы, а другой дотянуться до голенища, где наверняка носил нож. Не преуспел ни в том, ни в другом...

Хлада не теряла зря времени, разбираясь с оставшейся троицей. Первым выбыл из схватки почтеннейший Шихар – квилон звякнул, упав под ноги. А его хозяин взвыл тонким голосом, глядя на руку, только что сжимавшую оружие: кисть и запястье повисли под прямым углом к предплечью, удерживаемые лишь полоской кожи и мышц. Кровь из перерубленной артерии хлынула мгновением спустя, пятная мостовую.

Сиплый дрался неплохо, куда лучше своих велеречивых коллег. Шары ночного бича стремительно крестили воздух во всех направлениях, порой весьма неожиданных. Руссель со своей дубинкой пытался подобраться к девушке сбоку, – и все никак не мог, не рискуя подставиться под удар подельника.

Пару раз сиплому почти удавалось обвить цепью клинок наемницы. Но лишь почти... А затем все-таки удалось. Бандит громко прохрипел что-то неразборчивое, дернул цепь изо всех сил. Но вместо того, чтобы выдрать саблю из руки, он подтянул к себе Хладу почти вплотную. Она быстро ткнула кинжалом и тут же скользнула в сторону.

Руссель, видя, как оборачивается дело, пустился наутек, отбросив дубинку и путаясь ногами в полах своего плаща. Хлада догнала его в два прыжка, чиркнула кинжалом с некоей демонстративной небрежностью. Почтенный гражданин вольного города растянулся на брусчатке.

Я наконец разжал пальцы, бездыханное тело свалилось мне под ноги.

Наемница вернулась, выпутала саблю из цепи. Любитель помахать бичом ничем ей не препятствовал – к тому времени сидел, привалившись спиной к стене и прижав обе руки к животу. Ноги его подергивались, словно сиплый стремился вскочить и продолжить схватку, – но подергивались все слабее и слабее... Замерли. Вокруг росла кровавая лужа.

– Как заказано, – кивнула Хлада на Русселя, ползком удалявшегося в темноту. – Три недели будет лежать, потом пару месяцев похрамает.

Ну что же, первый экзамен наемница выдержала. Хотя, конечно, настоящими мастерами боя эту гоп-компанию не назовешь, и разминка получилась достаточно легкой... Однако сиплый был неплохим бойцом, мир его праху.

Хлада обтерла кинжал, спрятала в ножны. Примерилась поступить так же с саблей...

– К оружию! – рявкнул я.

И впервые за этот вечер пожалел, что законопослушно оставил на постоянном дворе верный Бьерсард.

* * *

Они шагнули в круг неверного света синхронными бесшумными движениями. Очень похожие, в одинаковых серых, под цвет тумана, плащах с низко опущенными капюшонами. И оба с мечами.

На незадачливого Русселя и его компанию вновь прибывшие походили, как небо на землю. Велеречивых разговоров не заводили, кошельками и прочим имуществом не интересовались. Молча и деловито начали нас убивать.

Я едва успел подставить лезвие кинжала. Меч ушел в сторону, но удар неимоверной силы чуть не сбил меня с ног. Противник не давал передышки – удар, удар, еще один, тут же выпад, едва не припиливший меня к стене дома... Я финтил, уклонялся, фактически безоружный, – тоненьким лезвием моего ронделя хорошо колоть сквозь звенья кольчуги, или в сочленение латных пластин, но выходить с ним на поединок с мечником – самоубийство.

Что Хлада у меня за спиной продолжает драку, я мог определить только по звукам, постоянные атаки врага не позволяли обернуться. Улучив момент, я выдернул из-за голенища нож-засапожник, – и едва не поплатился за это разрубленной головой... Серый мечник явно решил, что пора заканчивать, и резко взвинтил темп.

Очень хотелось *ускориться*, либо продемонстрировать еще какое из секретных умений, полученных в Храме... Увы, после приснопамятной битвы при Лигонге я пару недель не буду способен к этим штучкам... Приходилось рассчитывать лишь на свои силы, да на рондель с засапожником.

Надо было рисковать, и я рискнул. После очередного финта сделал вид, что оступился, – раскрылся, подставился, и чуть не лишился правой руки, – самый кончик меча все же оцарапал запястье.

Одновременно я метнул нож – низом, очень хитрым и закрученным броском, в свое время меня научил ему Калрэйн. Увидеть бросок было трудно. Отбить из позиции, в которой оказался серый, – невозможно. Если у него нет под плащом доспеха...

Попал! Кривое лезвие засапожника воткнулось чуть ниже грудины, – глубоко, по самую костяную рукоять!

Доспеха под плащом не оказалось... Теперь оставалось лишь выждать, пока серый ослабеет, поставить точку в поединке и помочь Хладе.

Удар, финт, уход... Да что с ним такое? Противник, казалось, не замечал, что в брюхе у него сидят три шаса острой стали... Двигался с прежней быстротой и слабеть не собирался.

Между тем на сером плаще, вокруг рукояти ножа, росло темное пятно. Я почувствовал запах – резкий, неприятный... И знакомый. Слишком знакомый...

– Это не люди! – крикнул я Хладе, уворачиваясь от очередного выпада.

Закончить фразу мне удалось лишь после нескольких финтов и вольтов:

– Нежить! Бей только в голову!

На сей раз наемница соизволила откликнуться:

– Сама поняла!

Выпад, отвод чужого клинка, обманный финт и прыжок в сторону, имитация удара кинжалом... Я чувствовал, что рука начинает уставать, принимая энергию мощных ударов... Погнутое, испещренное зазубринами лезвие ронделя все с большим трудом отводило меч в сторону.

Краем глаза я попытался высмотреть квилон, валявшийся где-то под ногами. С ним все-таки будет чуть больше шансов одолеть тварь, кем-то и зачем-то притащенную с Темной Стороны.

Не высмотрел... Но вскоре под сапогом что-то звякнуло. Ну точно, цепь ночного бича. Даже лучше, но нагнуться сейчас за ним, – значит, никогда уже не распрямиться. Разве что в небесных чертогах Пресветлого Сеггера...

Еще пара финтов и пируэтов, и я атаковал, – в отчаянном и безрассудном прыжке попытался вонзить рондель в грудь серого. Тварь немедленно использовала представившуюся возможность: встретила меня мечом в полете, обрушив мощнейший удар на беззащитный левый бок. Сталь заскрежетала о сталь – еще раз спасибо Калрэйну, научившему мгновенно и в любом положении перекидывать клинок из одной руки в другую.

Рондель вылетел из пальцев, а сила чудовищного удара отшвырнула меня далеко в сторону. Хрустко шлепнулся на мостовую, мгновенно перекатился, – и тут же меч твари высек искры рядом с моей головой...

Я вскочил, раскручивая ночной бич. Порезвемся, детка? Эта штучка мне неплохо знакома, в Храме учили убивать всем, что хоть отдаленно напоминает оружие... И тем, что не напоминает, – тоже.

«Вжиу! Вжиу! Вжиу!» – начали свою песню шипастые шары. А затем последовал удар. Вернее, два одновременных удара. Тот шар, что устремился к его голове, серый отбил. Но до второго, летевшего низом, чуть-чуть не успел дотянуться кончиком меча.

Хрясь! – шар шумно ударил по голени твари. Серая фигура неловко опустилась на колено, капюшон свалился.

На меня смотрело неподвижное серовато-зеленое лицо, на глазах – черная повязка, губы зашиты грубой черной нитью.

Кто-то играл очень серьезно... Вызвать с Темной Стороны Безглазого стоило целого состояния. И жертв. Настолько омерзительных, что мне даже думать об этом не хотелось.

Переродившиеся под влиянием Тьмы мертвые убийцы – почти неуязвимые, великолепно натренированные, не нуждающиеся в зрении и слухе, владеющие магическими, недоступными смертным органами чувств, способные командовать отрядами рядовой нежити... Абсолютные воплощения смерти.

И против нас кто-то выставил двух таких милашек... Хотя уже можно считать, что одного.

Шагнув вперед, я послал шар в новый стремительный полет. Безглазый отбил, но одновременно на висок ему обрушился второй страшный удар. Затем еще, еще, еще...

...От головы мало что осталось, но когтистая лапа, ничем не напоминающая человеческую руку, продолжала царапать брусчатку, а меч слепо тыкал куда-то в пустоту... Я бы назвал тварь живучей, если бы она не была изначально мертва.

Ладно, надеюсь, без головы тело все же сдохнет. Вернее, перестанет двигаться.

Наконец-то можно обернуться и посмотреть, как дела у Хлады.

Она держалась отлично: кружила со вторым Безглазым в молчаливом танце смерти, скользила вокруг серой фигуры, стараясь достать саблей, ловко уклонялась от ударов...

Не только и не просто отбивалась – капюшон твари располосован, на щеке виднелась глубокая рана, на плащ из нее лилась черная, мерзко воняющая жидкость.

Однако девушка явно устала, Безглазый же, не обращая внимания на рану, орудовал длинным мечом с неумолимостью механизма... Пора заканчивать.

Я зашел сбоку, раскрутив бич почти на всю длину.

Мой удар Безглазый отбил, но пара витков цепи захлестнулась на его мече, тварь промедлила, освобождая клинок резким рывком, и тут уж Хлада не упустила свой шанс: сабля со свистом вспорола воздух, затем – с глухим ударом – мертвую плоть. Голова с повязкой на глазах покатилась на мостовую. Тело с мечом в вытянутых руках несколько мгновений стояло неподвижно, затем рухнуло.

– Хорошая работа, – прокомментировал я, с трудом переводя дух. Да, этот экзамен оказался куда серьезнее... Но Хлада и его выдержала.

Девушка стояла, опустив руки с оружием, и редко, глубоко вдыхала, успокаиваясь после схватки.

Поймав мой взгляд, она улыбнулась.

– Со знакомством, Хигарт.

– Ага, – прохрипел я в ответ. – Очень приятно.

Осмотрел свое руку, продолжавшую кровоточить. Сказал задумчиво:

– Любопытно... Ведь меч как раз по тому шраму угодил, что я сделал, когда брался на крови с Йосом...

Не совсем так – не только я и сержант Сельми, но все, кто уцелел после Тул-Багара, смешали свою кровь... Но детали сейчас не важны.

Хлада взглянула мне в глаза. И, не раздумывая, резанула кинжалом свое запястье.

Наши ранки соприкоснулись, и слова старой клятвы прозвучали в заваленном трупами переулке, в неверном свете масляного фонаря, подвешенного над забрызганными кровью дверями мирного купеческого дома...

Затем последовал предусмотренный ритуалом поцелуй – хоть и не совсем братский, если уж начистоту... Но как-то не приходилось до сих пор брататься (сестриться?) с девушкой... Губы у Хлады оказались чуть горьковатыми.

Она отстранилась и произнесла с милой улыбкой:

– Кстати, забыла предупредить: интимных услуг работодателю в моем контракте нет.

– Ты это к чему? – изумился я слегка наигранно.

– Да так... Йос рассказывал, что ты ни одной юбки не пропускаешь... Врал, наверное.

– Но ты ведь носишь брюки... Так что все в порядке. А теперь пошли отсюда. Есть мудрая народная примета: как только кончается драка, тут же появляется стража. Но не раньше.

А жаль, любопытно было бы взглянуть на здешних алебардистов в схватке с Безглазыми.

Глава седьмая. Тихая ночь в глухой провинции

*И рек Аргавайл, Бичом Небес прозванный, да помилует Пресветлый
Сеггер окаянню душу его:*

*«Приду к вам оружно и многолюдно, и принесу огонь и меч за грехи
отцов ваших и дедов, и позавидуете им, ибо уже мертвы лежат».*

*И стало по словам его... Пылали грады, и кровавые реки лились по
стогнам их, и живой завидовал мертвому.*

«Каменная книга Уорлога», плита XVII

Постоялый двор, где разместилось наше поредевшее воинство, приткнулся почти к самой городской стене. Его массивные ворота были уже заперты, но я предусмотрительно узнал у хозяина слово, открывавшее магический замок калитки.

Во дворе я несколько мгновений постоял, напрягая все органы чувств. Вроде бы всё тихо и спокойно... Из окон льется мягкий свет, слышны неразборчивые голоса. С конюшни тянется запах свежего сена, негромко всхрапывают лошади и им вторит мощный человеческий храп – не иначе как пьяный конюх решил вздремнуть на куче соломы. Никаких признаков незваных гостей, никакого чувства смутной тревоги, возникающего при близком присутствии тварей, заявившихся с Темной Стороны...

Прежде чем пройти к дверям, я попросил Хладу:

– Не надо никому рассказывать о нашем маленьком приключении. Договорились?

Хлада остро взглянула своими карими глазищами, сейчас, в полутьме, казавшимися двумя омотами бархатной темноты, покусала нижнюю губу и кивнула. Мне показалось, она хотела что-то спросить, но передумала. Вот и славно.

Мы вошли в обширную залу постоялого двора. С низких потолочных балок здесь свисали пучки ароматных сушеных трав, на деревянных стенах красовалась кухонная утварь – тоже деревянная, резная, в хозяйстве не использовавшаяся и висевшая исключительно для красоты. Широкая лестница вела на второй этаж, к комнатам для приезжих.

В качестве люстры служило здоровенное тележное колесо, подвешенное на цепи к потолку и утыканное сальными свечами.

Центр помещения занимал громадный стол, сработанный из толстенных досок. У дальней стены – стойка, за которой меланхолично протирал кружки сам хозяин постоялого двора, толстяк с улыбчивым благообразным лицом и глазами-щелочками, давно и безнадежно утонувшими в пухлых щеках.

В углу уютно потрескивало пламя в камине, размеры которого позволяли целиком зажарить бычью тушу. А возле камина сидела тройка моих соратников. Быка не жарили, за отсутствием такового, – о чем-то негромко переговаривались, сдвинув к огню стулья, тяжелые, как и вся мебель в этом заведении.

Неплохо, неплохо... Кажется, команда начинает притираться и срабатываться. До боя с мятежниками маг Гаэларих общался без служебных надобностей лишь с двумя своими ассистентами, ныне покойными. Да и мэтр Тигар предпочитал держаться наособицу...

– Знакомьтесь, это Хлада Сельми, – объявил я. – С этого момента – наша спутница и боевой товарищ. Весьма-таки боевой, – добавил я с легким нажимом. Затем по очереди представил своих компаньонов:

– Мэтр Гаэларих, магистр магии. Майгер Калрэйн, специалист по всевозможным деликатным вопросам. Мэтр Тигар, писатель... И по совместительству – выдающийся кавалерийский командир.

Насчет командира я прибавил провокации ради, желая взглянуть, какотреагирует на такой комплимент бывший торговец.

Выдающийся кавалерийский командир и герой Лигонга привстал, пробормотал нечто приветственное, но неразборчивое, и шлепнулся обратно на стул.

Гаэларих, удивительное дело, покраснел как мальчишка, сообщая Хладе, насколько рад знакомству с нею. Впрочем, если вдуматься, ничего удивительного. Он, по большому счету, и есть мальчишка в магистерской мантии, по крайней мере в том, что касается общения с женщинами...

Зато Калрэйн не ударил в грязь лицом. Встал, раскланялся с грацией истинного аристократа, непринужденным движением пододвинул к камину еще один стул.

– Присаживайтесь, майфрау Сельми. Я знаком с вашим братом.... И уверен, что в компании с вами наше путешествие станет куда приятнее, чем прежде.

Он иногда чертовски любезен, этот бывший убийца. Но я видел, как Калрэйн быстрым взглядом профессионала оглядел Хладу – причем интересовался не лицом и не фигурой, но исключительно оружием и снаряжением.

Майфрау Сельми уселась на стул, вытянула ноги к огню, и сказала сладким-сладким, прямо-таки певучим голосом:

– Я тоже слышала о вас много лестного, майгер Калрэйн. Можно сказать, неплохо заочно знакома.

Одарила ассасина ответным быстрым взглядом и заявила:

– У вас, майгер, сейчас как минимум тринадцать клинков. Кинжалы на левом плече, на поясе, на обоих бедрах, четыре метательных ножа на голених, еще два на предплечьях, на внутренней их стороне... А на внешней два стилета... Или две мезикордии с сильно уменьшенной гардой? И что-то мне неизвестное на левом плече. По-моему, всё...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.